353(47)
Б
НЕ КОПИРОВАТЬ
4804.

Ал. Д. Билимовичъ.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ПРАВОПОРЯДОКЪ

ПО ТРУДАМЪ МѢСТНЫХЪ КОМИТЕТОВЪ

О НУЖДАХЪ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

(Докладъ, прочитанный въ собраніи Кіевскаго Юридическаго Общества 6 ноября 1904 года)

„Исторія говоритъ властителямъ:—будьте согласны съ вашимъ вѣкомъ, идите съ нимъ вмѣстѣ, но ровнымъ шагомъ; отстанете—онъ васъ покинетъ“...

Жуковскій. (Цитир по Гр Джаншіеву, Эпоха великихъ реформъ, 8 изд., М., 1900, стр. 1).

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акц. О-ва печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. д. № 6.
1904.

6к

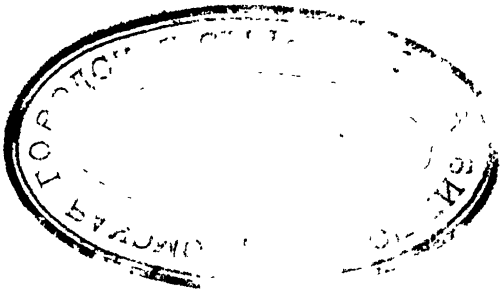
„Ирок 38“

Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ
227
30

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		СТР
I.	Образованіе комитетовъ, ихъ составъ и программа занятій . .	1
II.	Административная опека и гнетъ сельскихъ обществъ. . . .	11
III.	Крестьянское общественное управленіе	24
IV.	Крестьянскій судъ	34
V.	Матеріальное гражданское и уголовное право крестьянъ. . .	44
VI.	Заключеніе.	58



I.

Образованіе комитетовъ, ихъ составъ и программа занятій.

Свыше сорока лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ русская деревня начала новую жизнь. За это время, обновленная актомъ 19 февраля 1861 года, она должна была уйти далеко впередъ, раскрывъ таившіяся въ ней силы; благосостояніе крестьянской массы должно было подняться. Но протекшіе года показали обратное. Уже въ началѣ послѣдней четверти истекшаго вѣка обнаружился во многихъ мѣстахъ хозяйственный упадокъ сельскаго населенія, а въ послѣдующія десятилѣтія онъ сталъ еще сильнѣе и захватилъ болѣе широкіе районы. Голодъ 1891—92 гг. и рядъ послѣдующихъ неурожаевъ ясно показали это. Съ тѣхъ поръ даже предъ наиболѣе оптимистически настроенными людьми грозно во весь свой ростъ всталъ вопросъ объ обнищаніи деревни.

Вниманіе правительства все это время почти всецѣло отвлечено было фабрично-заводской промышленностью, но и оно не могло закрывать глаза на тяжелое положеніе деревни и нѣсколько разъ въ теченіе послѣдняго тридцатилѣтія принималось за изслѣдованіе нуждъ сельскаго хозяйства. Первымъ шагомъ въ этой области является образованіе въ 1872 году Валуевской коммиссіи. Это была обширная анкета, которая подвела итогъ 10 годамъ жизни деревни послѣ отмѣны крѣпостного права и отмѣтила тѣ недодѣлки въ Положеніи 19 февраля, которыя задерживали развитіе крестьянскаго хозяйства. Того же на ряду съ общимъ вопросомъ о мѣстномъ управленіи касалась въ 80-хъ годахъ Кахановская коммиссія. Она проработала съ 1881 по 1885 годъ, подготовила было цѣльную программу реформы мѣст-

наго управленія, но 1 мая 1885 года была закрыта. Крестьянскій вопросъ перешелъ въ канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ вся реформа сведена была на урѣзку законодательства императора Александра II изданіемъ Положенія о земскихъ начальникахъ 1889 года и земскаго 1890 года. Въ 1894 году, послѣ неурожаевъ 1891—92 годовъ образовано было министерство земледѣлія и новому вѣдомству вѣрено было попеченіе о сельскомъ хозяйствѣ. Это министерство въ томъ же году предприняло опросъ земствъ о нуждахъ деревни. Со своей стороны, министерство внутреннихъ дѣлъ въ 90-хъ годахъ вновь приступило къ пересмотру узаконеній о крестьянахъ и въ 1894 году предложило свою программу на обсужденіе особыхъ губернскихъ комитетовъ. Въ 1897 году для этой цѣли по Высочайшему повелѣнію была учреждена новая особая коммиссія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Этотъ длинный рядъ коммиссій и другихъ подготовительныхъ мѣръ заканчивается Высочайшимъ повелѣніемъ 22 января 1902 года объ учрежденіи Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Задачей этого совѣщанія поставлено „выясненіе нуждъ сельскохозяйственной промышленности и соображеніе мѣръ, направленныхъ на пользу этой промышленности и связанныхъ съ нею отраслей народнаго труда". Коммиссія организована изъ трехъ министровъ—финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и земледѣлія—и другихъ лицъ, по непосредственному избранію Е. И. Величества. Во главѣ, въ качествѣ предсѣдателя, поставленъ тогдашній министръ финансовъ, ст.-секр. Витте.

Но Совѣщаніе съ самаго начала признало свои собственныя силы недостаточными для выясненія нуждъ сельскаго хозяйства и рѣшило прибѣгнуть къ опыту мѣстныхъ людей и учрежденій Въ первомъ же засѣданіи, открывая Совѣщаніе, предсѣдатель его сказалъ, что „въ виду серьезности задачи, возложенной на Совѣщаніе, и той нравственной отвѣтственности, которая ляжетъ на послѣднее за результаты трудовъ его, представлялось-бы цѣлесообразнымъ предложить мѣстнымъ учрежденіямъ и дѣятелямъ представить свои соображенія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности и способахъ ихъ удовлетворенія" Совѣщаніе согласилось съ мнѣніемъ предсѣдателя и признало, что „въ такомъ жизненномъ и важномъ для всей Россіи дѣлѣ, какъ сельское хозяйство, едва-ли цѣлесообразно предпринимать какія-либо мѣры, не спрося мнѣнія тѣхъ, чьи нужды удовлетворить должны

эти мѣры, кто близко стоитъ къ земледѣлію и кому лучше всего извѣстны его слабыя стороны и насущныя требованія“ [1]).

Такое обращеніе къ „мѣстнымъ людямъ“ не представляется неожиданнымъ. Сознаніе необходимости его при разрѣшеніи важныхъ государственныхъ вопросовъ давно и прочно укоренилось въ умахъ правящихъ сферъ. Въ новѣйшей исторіи первымъ примѣромъ такого обращенія являются дворянскіе комитеты по освобожденію крестьянъ. Правда, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ комитетовъ правительство встрѣтило оппозицію своимъ освободительнымъ стремленіямъ. Въ результатѣ центральнымъ петербургскимъ коммиссіямъ пришлось самостоятельно разрѣшить многіе вопросы реформы. Но пріемъ обращенія къ мѣстнымъ силамъ не былъ оставленъ и примѣненіе его становилось все шире. При этомъ прибѣгали къ разнымъ способамъ: то мѣстные люди вызывались въ Петербургъ, и тамъ съ ними разрабатывались вопросы, то запрашивали письменно ихъ мнѣнія, то пользовались для этого существующими земскими и мѣстными административными учрежденіями, въ качествѣ выразителей мѣстныхъ мнѣній и интересовъ.

Особое Совѣщаніе также обратилось къ мѣстнымъ людямъ, но для опроса ихъ прибѣгло къ иному способу, организовавъ особые губернскіе и уѣздные комитеты о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности (Выс. утв. 22 марта 1902 г.).

Каковъ же составъ этихъ комитетовъ, кто тѣ мѣстные люди, къ опросу которыхъ прибѣгло Совѣщаніе?

Они различны въ губерніяхъ земскихъ съ дворянскими выборами и тѣхъ губерніяхъ, гдѣ ни земства, ни выборныхъ дворянскихъ должностей нѣтъ. Въ первыхъ губернскіе комитеты составлены подъ предсѣдательствомъ губернатора изъ губ. и уѣздн. предводителей дворянства, предсѣдателя и членовъ губерн. зем. управы, предсѣдателей уѣздн. зем. управъ, управляющихъ каз. палатой и госуд. имуществами, мѣстнаго представителя министерства земледѣлія, предсѣдателей сельскохозяйственныхъ обществъ и всѣхъ тѣхъ лицъ, участіе которыхъ будетъ признано полезнымъ губернаторомъ или Особымъ Совѣщаніемъ. Комитеты уѣздные составлены въ этихъ губерніяхъ подъ предсѣдательствомъ уѣздн. предводителя дворянства изъ предсѣдателя и членовъ земской управы и лицъ, которыхъ найдетъ нужнымъ пригласить

---

[1]) „Вѣстникъ Фин., Пром. и Торг.“, 1902 г., № 13.

предсѣдатель. Въ губерніяхъ, гдѣ дворянскіе выборы не производятся и земства до послѣдняго времени не было, въ губернскихъ комитетахъ предводители дворянства выборные замѣнены назначенными, а предсѣдатель и члены зем. управъ членомъ губерн. по крест. дѣламъ присутствія. Уѣздные же комитеты въ нихъ состоятъ изъ предсѣдателя—уѣздн. предв. дворянства, должностныхъ лицъ, указанныхъ губернаторомъ, и частныхъ лицъ, приглашенныхъ уѣздн. предводителемъ.

Какъ видно, въ качествѣ обязательныхъ членовъ, въ составъ комитетовъ вошли, главнымъ образомъ, должностныя лица, изъ сословныхъ представителей одни дворяне, а отъ земства одни предсѣдатели и члены управъ, приглашеніе же прочихъ лицъ поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія предсѣдателей. Такой составъ нельзя признать удовлетворительнымъ.

Учреждая комитеты, Совѣщаніе ставило себѣ цѣлью опросъ, между прочимъ, тѣхъ лицъ, чьи нужды оно должно удовлетворить. Такими лицами раньше всего и главнымъ образомъ являются крестьяне. Естественно было видѣть въ комитетахъ правильно организованное представительство отъ крестьянскаго населенія. На самомъ же дѣлѣ крестьяне лишь случайно попадали въ комитеты. Если предсѣдатели нѣкоторыхъ комитетовъ приглашали ихъ, то другими они были совершенно обойдены Въ Ямпольскомъ, напр., комитетѣ Подольской губ. предсѣдатель призналъ настоящими представителями крестьянъ не ихъ самихъ, а мировыхъ посредниковъ, такъ какъ крестьяне „народъ грубый, неразвитой и ничѣмъ помочь не могутъ“. Предсѣдатель Одесскаго комитета представителями крестьянскихъ интересовъ призналъ землевладѣльцевъ, которые „прекрасно знаютъ всѣ нужды крестьянъ и лучше, чѣмъ сами они, понимаютъ, что нужно сдѣлать, чтобы улучшить крестьянскій бытъ“.

Правда, наша крестьянская масса стоитъ еще на такой низкой ступени развитія, что, дѣйствительно, не всегда понимаетъ свои собственные интересы, но во многихъ случаяхъ комитеты могли бы услышать не мало поучительнаго изъ устъ самыхъ крестьянъ, какъ это и было на самомъ дѣлѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянскіе представители принимали участіе въ комитетахъ. Благодаря же отсутствію ихъ, резолюціи нѣкоторыхъ комитетовъ получили яркую окраску классовыхъ помѣщичьихъ тенденцій. Требованіе процессуальныхъ облегченій для преслѣдованія аграрныхъ преступленій, усиленіе наказаній за потравы, порубки и неисполненіе договоровъ рабочаго найма, мѣры

противъ буйства, своеволія рабочихъ и трудности достать ихъ—вотъ въ какомъ смыслѣ поняты были подчасъ всѣ нужды сельскохозяйственной промышленности.

Еще болѣе непонятнымъ является непривлеченіе къ работѣ въ комитетахъ земствъ, т. е. земскихъ собраній. Учреждая комитеты, Совѣщаніе желало воспользоваться опытомъ и знаніемъ тѣхъ, „кто близко стоитъ къ земледѣлію и кому лучше всего извѣстны его слабыя стороны и насущныя требованія". Такими людьми по всей справедливости могутъ быть признаны члены земскихъ собраній, между тѣмъ Совѣщаніе совершенно обошло ихъ, устанавливая обязательный составъ комитетовъ. Оно мотивировало это тѣмъ, что земства уже были запрошены о нуждахъ сельскаго хозяйства въ 1894 году министерствомъ земледѣлія и дали отвѣты въ 1894—98 годахъ, т. е. всего три года тому назадъ. За это время ни мѣстныя хозяйственныя условія, ни самые взгляды земскихъ дѣятелей на нихъ измѣниться не могли. Между тѣмъ опросъ земствъ связанъ съ большой проволочкой. Какъ показалъ опытъ министерства земледѣлія, отвѣты земствъ даны были лишь черезъ четыре года.

Эти соображенія встрѣтили возраженія въ средѣ комитетовъ. По словамъ члена Тверскаго у. комитета Унковскаго, „отвѣты земствъ 1894 года теперь уже значительно устарѣли. Съ одной стороны, въ хозяйствѣ, особенно крестьянскомъ, за это время произошли серьезныя и глубокія измѣненія, требующія и новыхъ мѣръ, а съ другой—земства послѣ 1894 года-то и начали усиленно заниматься подъемомъ экономическаго положенія, тратя на это съ каждымъ годомъ все большія суммы, и получили за это время драгоцѣнный опытъ и соорудили цѣлую сложную экономическую организацію, которая могла-бы очень помочь правительству въ рѣшеніи этихъ вопросовъ" [1]). То же высказано было нѣкоторыми членами комитетовъ въ Курской, Саратовской и др. губерніяхъ. Еще менѣе основателенъ второй мотивъ, т. е. опасеніе проволочки. Не говоримъ уже о томъ, что и комитеты далеко не такъ быстро справились со своей задачей. Назначенный сперва семимѣсячный срокъ—съ 22 марта по 15 октября 1902 года—продленъ былъ потомъ до 1 февраля 1903 года, а на самомъ дѣлѣ лишь къ августу 1903 года въ Петербургѣ получены были труды

[1]) Труды Мѣстныхъ Комитетовъ Тверская губ., стр. 459

всѣхъ комитетовъ. Но, если земства недавно разобрались въ нуждахъ сельскаго хозяйства, то на этотъ разъ они гораздо скорѣе могли отвѣтить на вопросы Совѣщанія, нежели кто-либо другой. Въ дѣйствительности такъ и было, и цѣлый рядъ комитетовъ, застигнутыхъ въ расплохъ вопросными пунктами Совѣщанія, сразу же прибѣгъ къ помощи земскихъ дѣятелей. Претензіи земцевъ или, можетъ быть, слишкомъ далеко, они требовали передачи всего дѣла въ руки земскихъ собраній, вмѣсто особыхъ комитетовъ. Это врядъ-ли было бы цѣлесообразно, такъ какъ земскія собранія навѣрное не привлекли бы къ нему той массы самыхъ различныхъ лицъ, которые вошли во многіе комитеты. Но нельзя не пожалѣть, что Совѣщаніе не пригласило въ качествѣ обязательныхъ членовъ комитетовъ значительнаго числа представителей земскихъ собраній, которые говорили бы отъ имени собраній. Безъ этого участіе земства могло быть лишь случайнымъ и безсистемнымъ, завися отъ усмотрѣнія губернаторовъ и уѣзднн. предводителей дворянства.

Если, несмотря на все указанное, составъ комитетовъ все таки вышелъ очень разностороннимъ, то это объясняется тѣмъ, что комитеты широко воспользовались правомъ предсѣдателей приглашать „всѣхъ лицъ, участіе коихъ будетъ признано ими полезнымъ“. Выше мы упомянули о приглашеніи крестьянъ. пользуясь той же оговоркой огромное число комитетовъ пригласило въ составъ членовъ всѣхъ гласныхъ земскихъ собраній. Жизнь сама ввела въ комитеты тѣхъ людей, отъ знаній и жизненнаго опыта которыхъ такъ упорно отказалось Совѣщаніе. Благодаря этому работа комитетовъ вышла очень плодотворной и далекой отъ формальныхъ отвѣтовъ на поставленные вопросы. Благодаря этому нигдѣ почти комитеты не закрыли глаза на тяжелое положеніе сельскаго населенія, и лишь мѣстами прозвучала чиновничья формула: „все обстоитъ благополучно“. Въ большинствѣ же случаевъ комитеты съ удивительнымъ единодушіемъ засвидѣтельствовали о крайне тяжеломъ положеніи деревни и вскрыли длинный рядъ язвъ, подтачивающихъ ея силы и коренящихся въ самыхъ основахъ правовой и экономической жизни крестьянъ.

Я такъ подробно остановился на личномъ составѣ комитетовъ потому, что имъ опредѣлился характеръ ихъ работъ. Другой не менѣе важный вопросъ внѣшней исторіи комитетовъ касается программы для этихъ работъ, выработанной Особымъ Совѣщаніемъ. Вопросъ пріобрѣлъ нѣкоторую остроту, такъ какъ задачи комитетовъ и тѣ рамки,

изъ которыхъ не должна была выходить работа ихъ, были различно поняты Совѣщаніемъ и въ особенности предсѣдателями комитетовъ, съ одной стороны, и большинствомъ членовъ, съ другой.

Задача Совѣщанія состоитъ въ выясненіи нуждъ сельскохозяйственной промышленности. Этимъ и должна была опредѣлиться программа работы созданныхъ имъ комитетовъ.

Первый, естественный вопросъ этой программы—это вопросъ о томъ, чьи же нужды имѣются въ виду въ данномъ случаѣ. На этотъ счетъ опредѣленно высказался во вступительной рѣчи предсѣдатель Совѣщанія, и разногласій по этому поводу не возникло. „Совѣщаніе, сказалъ Витте, должно изслѣдовать нужды и потребности сельскохозяйственной промышленности во всей ихъ совокупности, не дѣлая никакого различія между отдѣльными группами занимающагося земледѣльческимъ промысломъ населенія, и, слѣд., наряду съ заботами объ улучшеніи сельскохозяйственныхъ условій на частновладѣльческихъ земляхъ, оно въ той же мѣрѣ должно войти въ разсмотрѣніе и хозяйственныхъ нуждъ крестьянства, численность котораго достигаетъ почти $^4/_5$ всего населенія Евр. Россіи и которое собираетъ на своихъ и арендуемыхъ имъ земляхъ болѣе $^2/_3$ всего производимаго Россіей хлѣба“ [1]) Конецъ этой фразы ясно показываетъ, что вопросъ о нуждахъ сельскаго хозяйства есть, главнымъ образомъ, вопросъ крестьянскій. Такъ онъ и поставленъ былъ почти всѣми комитетами; исключенія очень рѣдки. Большинство комитетовъ только еще рѣзче подчеркнуло этотъ основной характеръ задачи Совѣщанія.

Болѣе спорнымъ оказался вопросъ о предѣлахъ программы. По этому поводу Совѣщаніе не дало комитетамъ ясныхъ указаній. 12 мая 1902 года Выс. утверждена была программа ихъ работъ, состоящая изъ 27 пунктовъ [2]). Главная часть ея касается исключительно техники сельскаго хозяйства и спеціальныхъ экономическихъ сельскохозяйственныхъ вопросовъ. Нѣсколько пунктовъ затрагиваютъ юридическія и административныя стороны крестьянской жизни, но это опять такіе узкіе, спеціальные вопросы: объ охранѣ сельскохозяйственной собственности, облегченіи обмѣна земельныхъ участковъ для устраненія черезполосности, пересмотръ законодательства объ арендахъ, привлеченіе сельскихъ обществъ къ расходамъ по выселенію прироста населенія.

---

[1]) „Вѣст. Фин., Пром и Торг.“, 1902 г., № 13.

[2]) „Вѣсти. Фин., Пром. и Торг.“, 1902 г. № 20.

Рядъ пунктовъ посвященъ хлѣбной торговлѣ, дорожному дѣлу, тарифамъ и передвиженію сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Вотъ программа, которой должны были держаться комитеты. Но сами составители ея понимали, что въ эти пункты не укладываются нужды сельскаго хозяйства.

Изъ протоколовъ первыхъ засѣданій Совѣщанія [1]) видно, что, по признанію его предсѣдателя: „съ сельскимъ хозяйствомъ прямо или косвенно связаны всѣ почти стороны государственной жизни"..., и потому, „конечно, Совѣщанію въ его сужденіяхъ неизбѣжно придется касаться вопросовъ общегосударственнаго характера". Но далѣе Витте значительно съуживаетъ задачу. „Совѣщанію, говоритъ онъ, едва-ли возможно брать на себя выполненіе задачи въ столь широкомъ объемѣ, такъ какъ слишкомъ широкая постановка дѣла можетъ свести его съ практическаго пути, затянуть работу на многіе годы". Поэтому, по мнѣнію Витте, „прямая и непосредственная задача Совѣщанія должна заключаться въ выясненіи ближайшихъ нуждъ сельскохозяйственной промышленности и мѣръ, непосредственно направленныхъ на пользу ея".

Противъ такого съуженія программы высказался министръ земледѣлія Ермоловъ „Программа, по его словамъ, должна обнимать весь кругъ подвѣдомственныхъ вопросовъ. Кругъ же этотъ въ виду.. первостепеннаго значенія сельскохозяйственной промышленности, какъ коренного занятія населенія Россіи и основы народнаго благосостоянія, затрагиваетъ всѣ почти стороны государственной жизни". Все это и должно войти въ программу работъ Совѣщанія и комитетовъ, только вопросы должны быть распредѣлены по котегоріямъ, съ раздѣленіемъ болѣе общихъ и болѣе спеціальныхъ сельскохозяйственныхъ.

Съ такой широкой постановкой вопроса не согласился, однако, министръ внутреннихъ дѣлъ. По его мнѣнію, „разсмотрѣніе вопросовъ общегосударственнаго характера, такъ или иначе связанныхъ съ нуждами сельскаго хозяйства, не можетъ итти далѣе тѣхъ предѣловъ, которые намѣчены были предсѣдателемъ. Многіе изъ этихъ вопросовъ, имѣющіе весьма существенное значеніе для сельскохозяйственной промышленности, не должны, однако, разрѣшаться исключительно съ точки зрѣнія однихъ только интересовъ сельскаго хозяйства. Поэтому онъ не считаетъ входящимъ въ задачи Совѣщанія окончательное направ-

[1]) „Вѣстн Фин., Пром и Торг", 1902 г., № 13

леніе и разрѣшеніе подобныхъ общегосударственныхъ вопросовъ. Оно принадлежитъ соотвѣтственнымъ вѣдомствамъ".

Не подлежитъ спору замѣчаніе министра внутреннихъ дѣлъ, что общегосударственные вопросы не могутъ разрѣшаться съ точки зрѣнія интересовъ одного сельскаго хозяйства. Но это отнюдь не основаніе исключать ихъ изъ программы Совѣщанія и созданныхъ имъ комитетовъ. Рѣчь идетъ о нуждахъ сельскаго хозяйства—ясно что при этомъ должны быть подняты всѣ вопросы, связанные съ этими нуждами, какъ бы широки они ни были. Единственнымъ критеріемъ того, относится или нѣтъ къ задачамъ Совѣщанія тотъ или другой вопросъ, долженъ былъ служить не спеціальный или общегосударственный характеръ его, а то, зависитъ отъ него сельское хозяйство или нѣтъ.

Совѣщаніе, однако, пришло къ иному рѣшенію и признало, что задача его состоитъ въ разсмотрѣніи вопросовъ, лишь непосредственно связанныхъ съ сельскимъ хозяйствомъ. Въ результатѣ всѣ общегосударственные вопросы, даже такіе тѣсно связанные съ сельскимъ хозяйствомъ, какъ вопросы о правовомъ устройствѣ крестьянъ, о податномъ бремени, лежащемъ на нихъ, и много другихъ, совершенно не вошли въ программу, преподанную для работъ комитетовъ.

Послѣдствіемъ было то же, что мы видѣли въ составѣ комитетовъ—большинство ихъ вышло далеко за предѣлы программы. Этотъ выходъ какъ бы указанъ былъ самимъ Совѣщаніемъ. Въ постановленіи объ учрежденіи комитетовъ сказано, что программа не должна стѣснять ихъ. Имъ предоставлено было право не ограничиваться этой программой и, смотря по ходу дѣлъ, пополнять ея пробѣлы. Для той же цѣли комитетамъ вмѣстѣ съ 27 пунктами программы поставленъ былъ и общій вопросъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, предоставившій имъ въ сущности полный просторъ въ изложеніи своихъ взглядовъ.

Но, вслѣдствіе неясности указаній Совѣщанія, этотъ просторъ былъ понятъ крайне различно отдѣльными предсѣдателями комитетовъ, отъ которыхъ зависѣло допущеніе къ обсужденію того или другого вопроса. Тогда какъ одни поняли его правильно и достаточно широко, другіе не допускали къ преніямъ ничего, кромѣ включеннаго въ 27 пунктовъ. На этой почвѣ возникъ цѣлый рядъ конфликтовъ. Просматривая томъ за томомъ труды комитетовъ, вездѣ наталкиваешься на эту борьбу. Жизнь голосами видныхъ и свѣдущихъ лю-

дей старалась направить работу на обсужденіе коренныхъ нуждъ деревни, каковы: народное невѣжество, излишняя административная опека, отсутствіе правильнаго управленія, суда и законности, господство произвола, стѣсненіе личной и общественной самодѣятельности, неравномѣрное распредѣленіе налоговаго бремени, чрезмѣрное покровительство промышленности въ ущербъ земледѣлію. А предсѣдатели комитетовъ, въ лицѣ губернаторовъ и уѣздныхъ предводителей дворянства, старались направить эту работу по руслу почти исключительно спеціальныхъ, чуть-ли не техническихъ вопросовъ сельскаго хозяйства. На это раздавались повсемѣстно возраженія, въ родѣ замѣчанія, что „частныя мѣропріятія, техническія, агрономическія и т. п. сами по себѣ весьма благожелательныя, разумныя и, повидимому, цѣлесообразныя, но не разсчитанныя на устраненіе причинъ, вызывающихъ тѣ или иныя неблагопріятныя явленія, окажутся паллiативами, примѣненіе которыхъ, въ концѣ концовъ, разочаруетъ самихъ авторовъ такихъ мѣропріятій, а въ населеніи, кромѣ того, укрѣпитъ и разовьетъ горькое чувство недовѣрія къ заботамъ о его благѣ" [1]).

Подъ вліяніемъ этихъ возраженій въ большинствѣ случаевъ рамки программы пришлось расширить, но много было такихъ комитетовъ, гдѣ эти требованія жизни не были выслушаны. Послѣдствіемъ этого было то, что цѣлыя группы приглашенныхъ членовъ отказались отъ участія въ комитетахъ, масса докладовъ не была прочитана и обсуждена.

Вопросомъ, въ которомъ почти всѣ комитеты принуждены были выйти за предѣлы программы, является вопросъ о крестьянскомъ правопорядкѣ. Комитеты при этомъ подробно мотивировали, почему они не могли не остановиться на немъ, почему наряду съ крестьянскимъ малоземельемъ, сѣвооборотами, они много вниманія удѣлили такимъ совсѣмъ не сельскохозяйственнымъ институтамъ, какъ волостной судъ, обычное право, тѣлесное наказаніе, земскіе начальники и т. п. Вездѣ ясно выражено убѣжденіе, что безъ устраненія стѣснительныхъ правовыхъ условій и коренныхъ измѣненій въ этой области невозможно проявленіе никакой хозяйственной предпріимчивости, этого основного условія улучшенія земледѣльческой культуры. „Успѣхъ или неудача всякаго предпріятія, въ томъ числѣ и земледѣльческаго, зависитъ, прежде всего отъ личныхъ качествъ самого человѣка, занятаго дан-

[1]) Сборникъ статей „Нужды деревни", т. I. Спб. 1904. стр 42

нымъ промысломъ", говорится въ трудахъ Балашевскаго у. комитета Саратовской губ. „Хозяйственная дѣятельность требуетъ, прежде всего, самостоятельности.. спокойная и устойчивая работа въ области сельскаго хозяйства возможна лишь при полной увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, при гарантіи отъ всевозможныхъ внѣшнихъ воздѣйствій", читаемъ въ трудахъ Тульской губерніи. Между тѣмъ всякая самодѣятельность убивается современными условіями крестьянской правовой жизни. Эта мысль красной нитью проходитъ черезъ труды комитетовъ, несмотря на различіе мѣстныхъ условій и состава мѣстныхъ людей. Различныя варьяціи ея можно было бы цитировать безъ конца.

Изложеніе взглядовъ комитетовъ на правовыя условія деревенской жизни и есть задача этой работы.

Матеріаломъ служатъ труды отдѣльныхъ мѣстныхъ комитетовъ, сведенные по губерніямъ Европейской Россіи въ 49 томахъ и оффиціальная сводная работа А. А. Риттиха „Крестьянскій правопорядокъ" (Спб. 1904).

II.

Административная опека и гнетъ сельскихъ обществъ.

„Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ. православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“—вотъ золотыя слова манифеста 19 февраля 1861 года. Въ свободномъ трудѣ дѣдъ нашего Государя видѣлъ основу благополучія крестьянина. Но эти слова забыты позднѣйшимъ законодательствомъ Начиная съ 80-хъ годовъ, оно вступило на путь самой мелочной опеки надъ крестьянами и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ возстановило „попечительный режимъ полицейскаго государства“ [1]). Результатомъ этого явилось исчезновеніе законности, мѣсто которой заняли административное усмотрѣніе и произволъ.

Жалобами на это наполнены труды мѣстныхъ комитетовъ. Въ ней большинство ихъ видитъ коренную причину упадка нашего сельскаго хозяйства. „Самодѣятельности и почину крестьянина, говорится въ запискѣ крестьянина Волкова въ Суджанскомъ у. комитетѣ Курской губ., негдѣ проявиться: даже въ распоряженіи своими мірскими дѣлами, въ распоряженіи денежными суммами, въ распоряженіи личнымъ имуществомъ и т. п., въ пользованіи своей надѣльной землей крестьяне связаны по рукамъ и ногамъ административной опекой; даже о нравственности крестьянина призваны заботиться должностныя

---

[1]) Сборникъ статей „Нужды деревни“, т. I. Спб. 1904, стр 49.

лица, не говоря уже о томъ, что такія явленія, какъ семейные раздѣлы и уходъ членовъ семьи на сторону, подлежатъ контролю. При такихъ условіяхъ нельзя и думать о свободномъ развитіи крестьянской личности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о подъемѣ хозяйственной дѣятельности крестьянина... деревня стоитъ на пути положительнаго обнищанія и разоренія, а лучшія силы деревни бѣгутъ изъ нея" [1]). „Какое можетъ быть возбужденіе самодѣятельности, читаемъ въ трудахъ Вятской губ., если крестьянинъ, хотя, быть можетъ, и не вполнѣ ясно сознаетъ, но во всякомъ случаѣ чувствуетъ себя въ роли малаго неразумнаго ребенка, чуть ли не каждый шагъ котораго подлежитъ контролю многочисленнаго начальства". Землевладѣлецъ Харьковской губ. Гришенко говоритъ: „вѣдь поставьте, господа, себя мысленно въ положеніе крестьянъ. Вообразите, что надъ вами установлена въ видахъ, положимъ, вашей собственной пользы та же опека, что и надъ крестьянами..., что каждый шагъ въ вашей личной жизни для своей легальности долженъ поступить на благовоззрѣніе какого-либо начальства, допустите все это, и вамъ, навѣрное, жутко станетъ" [2]). „Мы привыкли полагать, сказалъ одинъ членъ Стерлитамакского у. комитета Уфимской губ., что въ опекѣ нуждаются ребенокъ и сумасшедшій... едва-ли русскій крестьянинъ ребенокъ или сумасшедшій. Въ настоящее время поставлены вопросы о поднятіи благосостоянія. По моему, благосостояніе населенія покоится на полной свободѣ личности и труда" [3]).

Высказываясь отрицательно по вопросу объ административной опекѣ, комитеты главное вниманіе обратили на Положеніе о земскихъ начальникахъ 12 іюля 1889 года, справедливо видя въ этомъ институтѣ главное содержаніе отвлеченнаго понятія административной опеки. Для нѣкоторыхъ комитетовъ земскіе начальники являются олицетвореніемъ всей этой опеки. „Административная опека", говорится въ запискѣ Волоцкаго въ Вологодскій у. комитетъ,—но, вѣдь, это и есть „близкая къ народу власть земскаго начальника" [4]).

---

[1]) Тр. М. К, Курская губ., стр. 651.
[2]) Тр., М. К., Харьковская губ, стр. 395.
[3]) Тр. М. К., Уфимская губ, стр. 269.
[4]) Тр. М. К., Вологодская губ., стр, 130.

Когда еще въ началѣ 80-хъ годовъ въ трудахъ Кахановской коммиссіи впервые возникла мысль объ учрежденіи земскихъ начальниковъ, какъ власти, близкой къ населенію и попечительной, которой облекались бы „лучшіе“ люди, большинство коммиссіи высказалось противъ такой власти. Оно предсказывало, что „въ результатѣ предлагаемой реформы оказался-бы такой произволъ на мѣстахъ, отъ котораго только и оставалось бы бѣжать изъ уѣзда тѣмъ, кто въ немъ еще остается, не говоря о положеніи, въ которомъ могли-бы очутиться крестьяне“ [1]). Труды мѣстныхъ комитетовъ показали, что это предсказаніе было вполнѣ основательно.

Земскій начальникъ, по мнѣнію законодателя, долженъ былъ явиться „блюстителемъ права“ въ деревнѣ, но вслѣдствіе безконтрольности его власти и огромнымъ полномочіямъ получилась „власть, которой, по замѣчанію кн. Волконскаго въ Данковскомъ у. комитетѣ Рязанской губ., очень легко нарушить любое право, но защитить отъ правонарушенія почти невозможно. Не такая власть способна воспитать въ населеніи чувство уваженія къ закону“ [2]).

Земскій начальникъ долженъ заботиться о матеріальномъ улучшеніи крестьянскаго быта. Но комитеты указываютъ, что онъ не въ состояніи справиться съ этой сложной задачей. Отношеніе къ ней формальное вслѣдствіе трудности разобраться во всѣхъ подробностяхъ хозяйственныхъ нуждъ населенія и множества другого дѣла, возложеннаго на земскихъ начальниковъ [3]). Къ тому же, какъ на это указываетъ Константиноградскій у. комитетъ Полтавской губ., „самый составъ земскихъ начальниковъ, состоящій или изъ помѣщиковъ, вынужденныхъ итти на службу, вслѣдствіе плохого веденія собственнаго хозяйства, или изъ отставныхъ военныхъ и чиновниковъ, не былъ приспособленъ къ руководству крестьянами въ дѣлѣ улучшенія способовъ и пріемовъ веденія ихъ хозяйства“ [4]).

Въ лицѣ земскаго начальника, далѣе, объединена власть административная и судебная. Это, по мнѣнію комитетовъ, является рѣз-

[1]) Сборникъ статей „Нужды деревни“. т. I, Спб. 1904, стр. 44.
[2]) Тр М. К., Рязанская губ., стр. 165
[3]) Тр М К., Новгородская губ., стр. 152 и сл.
[4]) Тр. М К., Полтавская губ., стр. 293.

кимъ нарушеніемъ духа Судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года и естественно приводитъ къ крайней спутанности отношеній. Эта власть проникаетъ во всѣ стороны общественной жизни крестьянина и всюду вноситъ нарушеніе принциповъ самоуправленія и законности, замѣняя ихъ принципомъ усмотрѣнія. Земскій начальникъ, напр, утверждаетъ постановленія сельскихъ сходовъ. Это, по словамъ 19 членовъ Московскаго губ. комитета, привело къ тому, что „въ настоящее время ни одинъ сколько-нибудь важный приговоръ не получаетъ силы, пока онъ не разсмотрѣнъ земскимъ начальникомъ“ [1]) Но земскій начальникъ и только утверждаетъ приговоры, на практикѣ онъ оказываетъ давленіе на членовъ схода, склоняя ихъ къ желательному ему рѣшенію. „Это, по словамъ записки Португалова въ Сарапульскій у. комитетъ Вятской губ., лишило сельскіе сходы всякой самостоятельности, приговоры ихъ составляются далеко не по доброй волѣ, желанія не парализуются усиленнымъ контролемъ, подчасъ приговоры диктуются, а тѣ, которые для крестьянъ желательны, не получаютъ утвержденія“ [2]) „Какой же можетъ быть сельскій или волостной судъ съ задачами самоуправленія, говоритъ редакціонная коммиссія Лохвицкаго у. комитета Полтавской губ., когда за спиной этого схода, а часто и на самомъ сходѣ, стоитъ лицо, обладающее властью надъ участниками схода“ [3]). Насколько попечительна при этомъ власть земскаго начальника, видно изъ заявленія въ одномъ комитетѣ Уфимской губ., что „не только на сходахъ, но собравшись у завалешки, крестьяне часто прерываютъ свои разговоры и разбѣгаются при появленіи тройки съ земскимъ начальникомъ“ [4]).

Избраніе крестьянскихъ должностныхъ лицъ также подчинено надзору земскихъ начальниковъ. Вслѣдствіе этого, по словамъ у. члена окр. суда Жемчужнова въ Малмыжскомъ у. комитетѣ Вятской губ, власти въ крестьянской средѣ являются выборными только по названію и въ такой мѣрѣ зависимы, что не могутъ и думать о защитѣ интересовъ своихъ обществъ“ [5]).

---

[1]) Тр М К., Московская губ., стр 22
[2]) Тр. М. К., Вятская губ, стр. 601
[3]) Тр М К, Полтавская губ., стр 568.
[4]) Тр М. К., Уфимская губ., стр 256.
[5]) Тр М. К., Вятская губ, стр 416.

Волостной судъ также подчиненъ земскому начальнику. Этотъ судъ и самъ по себѣ неудовлетворителенъ, но, поставленный въ зависимость отъ земскаго начальника, имѣющаго право подвергать судей административнымъ взысканіямъ, онъ сталъ, по словамъ Плевако въ Козловскомъ у. комитетѣ Тамбовской губ., „покорнымъ слугой худшихъ, склонныхъ къ деспотизму, представителей названнаго института“ [1]).

Съ осужденіемъ останавливаются комитеты и на 61 и 62 ст. Полож. о зем. нач, которыя предоставляютъ земскому начальнику право налагать административныя взысканія „безъ всякаго формальнаго производства“ на крестьянъ въ случаѣ „неисполненія его законныхъ распоряженій и требованій, а на должностныхъ лицъ и въ случаѣ „маловажныхъ проступковъ“. Комитеты отвергаютъ самый принципъ внѣсудебнаго наказанія и указываютъ на крайнюю неясность такихъ терминовъ, какъ „неисполненіе законныхъ требованій“—и „маловажные проступки“. Городской судья Тихвинскаго у. Новгородской губ. Бѣлякъ говоритъ по этому поводу въ своемъ докладѣ: „общепризнанными аксіомами при примѣненіи уголовныхъ законовъ являются положенія, что нѣтъ преступленія, а слѣд., и примѣненія наказанія, гдѣ нѣтъ соотвѣтственнаго запретительнаго закона (1 ст. Уст. угол. суд.). Эти правила и примѣняются по отношенію ко всѣмъ гражданамъ, за исключеніемъ крестьянъ“... крестьяне же „могутъ быть подвергнуты со стороны земскихъ начальниковъ и своихъ крестьянскихъ властей наказанію безъ суда, и притомъ за такія дѣянія, которыя весьма неопредѣленно означены словами: „маловажные проступки“, „неисполненіе законныхъ требованій и распоряженій“, подъ каковыя опредѣленія можно подвести и такія дѣйствія, которыя не заключаютъ въ себѣ ничего преступнаго и въ отношеніи другихъ сословій вовсе ненаказумы“ [2]). При такомъ широкомъ правѣ наказаній примѣненіе ихъ находится въ исключительной зависимости отъ субъективнаго воззрѣнія лицъ, входящихъ въ составъ земскихъ начальниковъ. Подтвержденіемъ можетъ служить слѣдующая справка о числѣ штрафовъ и арестовъ, наложенныхъ по 61 ст. земскими на-

---

[1]) Тр. М. К., Тамбовская губ, стр. 270.

[2]) Тр. М. К, Новгородская губ. стр. 385—386.

Библиотека Коммунистической Академии

чальниками двухъ участковъ Елецкаго у. Орловской губ., приведенная въ докладѣ юридической коммиссіи Елецкаго у. комитета:

Годы	Въ одномъ участкѣ.		Въ другомъ участкѣ.	
	Штрафовъ.	Арестовъ.	Штрафовъ.	Арестовъ.
1893	132	39	9	10
1894	136	34	—	48
1896	131	26	—	—
1897	3	—	1	6
1898	—	1	—	1
1899	5	133	—	—
1900	836	63	—	—
1901	846	16	1	—

„Вышеприведенный примѣръ, говоритъ докладъ, будетъ еще убѣдительнѣе, если принять во вниманіе, что въ концѣ 1899 года въ одномъ участкѣ произошла смѣна земскаго начальника, лица съ спеціальнымъ юридическимъ образованіемъ. Со вступленіемъ новаго земскаго начальника—не юриста, число лицъ, подвергнутыхъ штрафу въ порядкѣ 61 ст. Пол. о зем. нач., сразу возросло больше, чѣмъ въ 167 разъ сравнительно съ предшествующимъ годомъ“ [1]).

Въ трудахъ Самарскаго у. комитета говорится, что 61 ст. даетъ земскимъ начальникамъ право налагать взысканія не только на отдѣльныхъ крестьянъ, но и „на цѣлыя группы ихъ, хотя бы за нарушеніе запрещенія писать прошенія, какъ мы недавно читали въ опубликованномъ сенатскомъ рѣшеніи, или за нежеланіе подчиниться рѣшенію чисто хозяйственныхъ дѣйствій (передѣла, найма пастуха, сдачи земли въ аренду и др. п.“ [2]). До какого разгула доходитъ произволъ земскихъ начальниковъ, показываетъ слѣдующій примѣръ, сообщаемый въ трудахъ Балахнинскаго у. комитета Нижегородской губ.: „Однаждый земскій начальникъ подвергъ аресту цѣлый сходъ, состоя-

[1]) Тр. М. К., Орловская губ., стр. 495

[2]) Тр. М. К., Самарская губ., стр. 117—118.

щій изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, только потому, что общество не уплатило въ срокъ назначенной имъ повинности. Это постановленіе случайно дошло до губернскаго присутствія, такъ какъ мѣстныя власти затруднились найти помѣщеніе для такого количества заарестованныхъ сразу людей. а поэтому приговоръ этотъ былъ доведенъ до сената, который его и отмѣнилъ. Замѣтьте, что это было въ горячую пору лѣтнихъ работъ“ [1]).

Вообще вся система административныхъ взысканій крестьянъ представляетъ рѣдкое отрицаніе началъ личной неприсосновенности. Цитированный уже нами тихвинскій городской судья Бѣлякъ говоритъ по этому поводу: „Ни исправникъ, ни губернаторъ. ни министръ не имѣютъ права безъ суда, своею властью подвергнуть аресту или штрафу дворянина, купца или вообще городского жителя. Но картина сейчасъ мѣняется, какъ только власти начинаютъ дѣйствовать въ крестьянской средѣ, въ деревнѣ... Какъ слѣдствіе такого подчиненнаго по закону положенія крестьянъ... является приниженность личности крестьянина не только въ официальныхъ, но и въ бытовыхъ отношеніяхъ Не только прямые начальники крестьянъ, но вообще каждый чиновникъ или подобіе чиновника, въ видѣ помощника волостного писаря, по твердо укоренившемуся обычаю, считаетъ себя въ отношеніи крестьянъ начальникомъ, обращается съ ними на „ты“ вообще позволяетъ себѣ всякія грубости“ [2]). Онъ указываетъ даже на любопытную попытку узаконить такое грубое обращеніе. „При введеніи законоположеній 12 іюля 1889 года земскіе начальники Екатеринославской губерніи въ особомъ собраніи постановили въ сношеніяхъ съ подчиненными и непривилегированными лицами употреблять второе лицо единственнаго числа, т. е., „ты“ вмѣсто „вы““ [3]).

Указывая всѣ эти ненормальности, свыше ста комитетовъ высказалось за необходимость облегчить административную опеку надъ крестьянами, поднять ихъ личность, расширить самодѣятельность и устранить или, по крайней мѣрѣ, съузить внѣсудебныя взысканія, замѣнивъ ихъ общимъ для всѣхъ другихъ сословій наказаніемъ по суду. При этомъ нѣкоторые комитеты не рѣшаются совершенно отмѣнить институтъ земскихъ чиновниковъ и требуютъ лишь отдѣленія адми-

---

[1]) Тр. М. К., Нижегородская губ., стр. 230.

[2]) Тр М. К Новгородская губ., стр. 382—383

[3]) Тамъ же.

нистративныхъ функцій отъ судебныхъ, соединенныхъ въ этой должности, и передачи послѣднихъ общимъ судамъ. Тогда земскіе начальники явятся исключительно административными крестьянскими чиновниками. Составъ ихъ, кромѣ того, долженъ быть улучшенъ, и сфера административнаго надзора и воздѣйствій значительно ограничена.

Но цѣлый рядъ комитетовъ считаетъ, что особая должность земскаго начальника совершенно не нужна и подлежитъ упраздненію. Его административныя функціи могутъ быть переданы общей администраціи и полиціи, а всѣ хозяйственныя дѣла должно вѣдать земство, для чего необходимо учрежденіе мелкой земской единицы. Или же для тѣхъ или другихъ дѣлъ можетъ быть создано особое волостное учрежденіе, построенное на началѣ всесословности.

Однако, въ средѣ комитетовъ наблюдается кое-гдѣ и противоположное теченіе. Вопреки общему стремленію къ ослабленію опеки надъ крестьянами, оно находитъ, что послѣдняя слишкомъ слаба, и необходимо ея усиленіе, права земскихъ начальниковъ и рамки взысканій узки и ихъ надо расширить Сергачскій у. комитетъ Нижегородской губерніи, напр., призналъ, что власть земскаго начальника слишкомъ ограничена, что земскій начальникъ связанъ по рукамъ бумагой; это уничтожаетъ необходимый порядокъ въ деревнѣ. Поэтому комитетъ постановилъ: „просить правительство возстановить и расширить административную власть земскихъ начальниковъ“ [1]). Чернскій у. комитетъ Тульской губерніи пришелъ къ заключенію, что одной изъ „мѣръ, могущихъ въ данное время дать благіе результаты... является болѣе широкое право земскихъ начальниковъ въ примѣненіи 61 ст Пол. о зем. нач., съ точнымъ обозначеніемъ, въ какихъ случаяхъ таковую они обязаны примѣнять, такъ какъ не всегда и не всякій земскій начальникъ понимаетъ, что такое дисциплина, да иной разъ и не желаетъ ее примѣнять просто изъ несочувствія къ административному праву, считая послѣднее Шемякинымъ судомъ“ [2]). Для оцѣнки подобныхъ резолюцій нѣкоторыхъ комитетовъ необходимо принять во вниманіе сказанное выше о составѣ комитетовъ.

Еще дальше этого любопытнаго обвиненія земскихъ начальниковъ „въ бездѣйствіи власти“ и упрека въ нѣкоторой щепетильности при пользованіи своимъ административнымъ правомъ идутъ отдѣльныя лица.

---

[1]) Тр М. К, Нижегородская губ, стр. 574—575.

[2]) Тр. М. К, Тульская губ., стр 479.

Они требуютъ возстановленія старой помѣщичьей власти надъ крестьянами въ виду некультурности крестьянъ и ухудшенія ихъ нравственности. Въ тотъ же Чернскій у. комитетъ поданъ проэктъ замѣны земскихъ начальниковъ дворянами-помѣщиками, которымъ предоставлены были бы широкія вотчинныя права, т. е. право преслѣдованія и пресѣченія проступковъ въ крестьянской средѣ и право „извѣстнаго“ воздѣйствія на ихъ мірской обиходъ [1]). У автора, впрочемъ, самого явилась мысль, что въ этомъ могутъ увидѣть „возстановленіе крѣпостного права въ замаскированномъ видѣ“.

Другой крѣпостническій варьянтъ—извѣстный unicum въ своемъ родѣ—представляетъ проэктъ сельскаго устройства, предложный въ Мценскомъ у комитетѣ Орловской губ. Нилусомъ. „Мужику, говоритъ проэктъ, живется гораздо хуже, чѣмъ при крѣпостномъ правѣ, потому что у мужика нѣтъ теперь власти руководящей, а крестьянинъ требуетъ себѣ руководителя... Для того, чтобы создать власть попечительную и любовную, которая въ дореформенное время являлась въ лицѣ помѣщика, необходимо создать такую мелкую единицу или ячейку, изъ которой составлялось бы государство, и которая, именно, и была бы представительницей такой власти. Такой ячейкой долженъ явиться приходъ, при условіи, чтобы въ немъ ни въ какомъ случаѣ не примѣнялась выборная система, а во главѣ прихода долженъ стоять непремѣнно дворянинъ-землевладѣлецъ. Но такихъ дворянъ очень мало, поэтому необходимо создать помѣстное дворянство; это сдѣлать очень просто, стоитъ только въ каждомъ приходѣ поселить дворянина и дать ему 150 или 200 десятинъ; тогда помѣщикъ явится сельскимъ начальникомъ, который будетъ вмѣсто жалованія получать доходъ съ вырѣзанной ему земли“... Авторъ самъ испугался, что „помѣстный дворянинъ, сдѣлавшись сельскимъ начальникомъ, можетъ стать маленькимъ сатрапомъ“. Во избѣжаніе этого онъ предлагаетъ „установить при немъ совѣщательное собраніе съ мѣстнымъ батюшкой во главѣ, и въ составъ этого собранія должно войти нѣсколько крестьянъ, которыхъ укажутъ сами крестьяне“ [2]). Оспаривать это идиллическое построеніе въ настоящее время не приходится. Оно продиктовано у автора совершенно своеобразными воззрѣніями на крестьянство. „Просвѣщеніе деревни, говоритъ онъ, ни къ чему не ведетъ и поэтому

[1]) Тамъ же, стр. 505—506. Докладъ д. с. с. Рембелинскаго.

[2]) Тр. М. К., Орловская губ., стр 678—679.

совершенно не нужно. Къ чему учить мужика, когда этимъ темнымъ мужикомъ создалось государство русское, когда передъ этимъ темнымъ мужикомъ и теперь трепещетъ вся Европа". Итакъ тьма, безпросвѣтная тьма крестьянской массы, и надъ этой тьмой владычество дворянъ-землевладѣльцевъ—вотъ программа. Къ счастью такія мнѣнія можно пересчитать по пальцамъ во всѣхъ 531 комитетахъ 49 губерній съ десятками тысячъ членовъ. Закулисные мотивы такихъ мнѣній проглядываютъ слишкомъ ясно. Только что изложенный проэктъ заканчивается слѣдующей тирадой: „Все зло въ томъ, что имѣнія дворянъ заложены, но они заложены въ 60% своей стоимости, а между тѣмъ банкъ пускаетъ на торги все имѣніе. Это не справедливо, если % не уплачены, пусть банкъ отберетъ 60% земли, а усадьбу и 40% земли оставитъ помѣщику... Но пока будутъ обсуждать это предложеніе и пока придумаютъ что-либо для того, чтобы спасти отъ гибели помѣстное дворянство, надо принять экстренныя мѣры, чтобы не были проданы и послѣднія дворянскія имѣнія, а для этого надо на 5 или 6 лѣтъ дворянскія земли освободить отъ уплаты %: % эти причислить къ капитальному долгу, а самую уплату долга разложить на большее число лѣтъ" [1]). Теперь, я думаю, вамъ понятно, чѣмъ продиктованъ докладъ Нилуса и подобные ему крѣпостническіе проэкты. Перейдемъ мимо нихъ къ другимъ вопросамъ крестьянскаго правопорядка.

Не отъ одной административной опеки страдаетъ, по мнѣнію комитетовъ, развитіе личности и хозяйственной самодѣятельности крестьянъ Административная опека является внѣшнимъ факторомъ, стѣсняющимъ свободу сельскаго населенія. Помимо нея надъ крестьяниномъ виситъ внутренній гнетъ сельскаго общества, зависимость отъ котораго еще сильнѣе дѣйствуетъ въ томъ же направленіи и опутываетъ крестьянина новою сложною системой узъ. Часть ихъ создана при самомъ освобожденіи, другая послѣдующимъ законодательствомъ 80-хъ и 90-хъ годовъ.

Къ числу первыхъ относятся раньше всего затрудненія въ пользованіи и распоряженіи надѣльнымъ имуществомъ. Особое вниманіе комитеты обращаютъ на институтъ общиннаго землевладѣнія. Мы не касаемся здѣсь оцѣнки экономической стороны послѣдняго. Комитеты обнаруживаютъ при этомъ большія разногласія. Но всѣ они сходятся

[1]) Тамъ же, стр. 679—680.

на признаніи крайней стѣснительности современной формы этого института для крестьянъ и вызываемаго ею ограниченія ихъ личныхъ и имущественныхъ правъ. Жизнь въ теперешней общинѣ есть полное порабощеніе отдѣльнаго лица сельскому обществу. Если же у крестьянина является желаніе уйти изъ села, то и здѣсь община связываетъ его, такъ какъ продажа надѣла даже своему однообщественнику возможна лишь съ согласія общества.

Узы общины идутъ еще дальше. По Положенію о выкупѣ, если на надѣлѣ лежитъ выкупной долгъ, то крестьянинъ, даже безвозмездно сдавши свою землю обществу, не можетъ получить увольненія изъ него до тѣхъ поръ, пока не погаситъ выкупного долга. Это, по мнѣнію комитетовъ, окончательно прикрѣпляетъ крестьянъ къ землѣ. Такія фискальныя стѣсненія имѣли, быть можетъ, смыслъ въ 60-хъ годахъ, когда доходность земли не покрывала лежавшихъ на ней выкупныхъ платежей. Но съ тѣхъ поръ цѣнность земли такъ поднялась, что въ нихъ нѣтъ болѣе никакой надобности.

Ко всему этому присоединяется круговая порука, которая до послѣдняго времени устраняла личную отвѣтственность крестьянъ передъ фискомъ. Комитеты подробно разбираютъ круговую поруку и доказываютъ ея несостоятельность. Она, по ихъ мнѣнію, создаетъ несправедливую зависимость исправныхъ плательщиковъ отъ неисправныхъ, поселяетъ вражду въ средѣ крестьянскихъ обществъ и жестокіе пріемы выбиванія платежей. Она не обезпечиваетъ и фиска, такъ какъ при большомъ числѣ недоимщиковъ и состоятельные крестьяне воздерживаются отъ уплаты податей. По словамъ управляющаго Херсонской каз. пал. Анучина, круговая порука „является теперь узаконеніемъ отжившимъ свое время.. актомъ величайшей несправедливости, если не совершеннаго насилія... безусловно вреднымъ во всѣхъ отношеніяхъ и потому подлежащимъ полному упраздненію [1]). 42 комитета высказались въ этомъ смыслѣ и ходатайствовали объ ея отмѣнѣ. Они въ данномъ случаѣ только еще разъ подчеркнули то, что давно многими лицами говорилось по поводу круговой поруки. Но ихъ согласнаго осужденія было достаточно, и этотъ отжившій институтъ, наконецъ, отмѣненъ закономъ 12 марта 1903 года.

Много другихъ сторонъ общественнаго гнета надъ отдѣльными лицами—въ родѣ права выселенія порочныхъ членовъ, наказаній,

---

[1]) Тр. М. К, Херсонская губ, стр 141—143.

налагаемыхъ крестьянскими должностными лицами, выборовъ на обязательныя должности—касаются комитеты.

Изъ позднѣйшихъ распоряженій они останавливаются на стѣснительныхъ правилахъ 28 мая 1885 года о пріемѣ и увольненіи членовъ крестьянскихъ обществъ; законѣ 18 марта 1886 года о семейныхъ раздѣлахъ, поставившемъ ихъ въ зависимость отъ воли старшаго члена семьи и сельскаго схода; на положеніи 1894 года о видахъ на жительство, обуславливающемъ право на отлучку согласіемъ схода или домохозяина. Всѣ эти попечительныя распоряженія, вмѣстѣ съ проникнутыми тѣмъ же духомъ опеки законами 13 іюня 1888 года о переселеніяхъ, 8 іюля 1893 года о передѣлахъ мірской земли и 14 декабря 1893 года о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ—все это проходитъ предъ судомъ комитетовъ и отметается, какъ густая паутина ненужныхъ стѣсненій, убивающихъ въ крестьянахъ всякую самодѣятельность и отнимающихъ возможность проявить какую-либо личную инціативу въ устройствѣ своего хозяйства. Всѣ эти мѣры, по словамъ 19 членовъ Московскаго губ. комитета, возвращаютъ въ крестьянахъ ту „неподвижность къ улучшеніямъ въ собственномъ бытѣ“, которая манифестомъ 19 февраля справедливо была признана необходимымъ послѣдствіемъ крѣпостного права.

Но, говоря о вмѣшательствѣ крестьянскаго общественнаго управленія въ личную и имущественную жизнь крестьянъ, комитеты поднимаютъ общій вопросъ объ этомъ управленіи и подвергаютъ его тщательному анализу. Въ большинствѣ случаевъ этотъ анализъ приводитъ ихъ къ самой суровой критикѣ всего современнаго строя крестьянскаго управленія и необходимости коренной реформы его.

III.

Крестьянское общественное управленіе.

По дѣйствующему нынѣ Общему Положенію о крест. основу крестьянскаго общественнаго управленія составляютъ сельскій и волостной сходы. Волостной сходъ, кромѣ выбора должностныхъ лицъ волости, не играетъ важной роли, и потому главное вниманіе комитеты сосредоточили на организаціи и дѣятельности сельскаго схода. Общій отзывъ комитетовъ о немъ крайне неудовлетворителенъ. Большинство членовъ обрисовываютъ его „въ видѣ неорганизованныхъ многолюдныхъ сборищъ, лишенныхъ возможности толково обсуждать сколько-либо серьезныя дѣла крестьянской жизни.

„Сходъ, по словамъ зем. нач. Слѣпцова изъ Аткарскаго у. Саратовской губ., представляетъ собою толпу, нерѣдко весьма многочисленную (до 500 и болѣе человѣкъ) и всегда крайне разообразную по своему личному составу, сплошь и рядомъ совершенно не дисциплинированную, въ которой каждый стремится перекричать другого“ [1]). „Кромѣ неразвитости, неграмотности, говорится въ трудахъ Пермскаго губ. комитета, и многолюдство мѣшаетъ дѣлу. Есть сельскіе сходы, гдѣ должны собираться 400, 500, 600 человѣкъ. Полная невозможность высказаться по каждому вопросу и десятой долѣ присутствующихъ, тѣснота зимнихъ помѣщеній, утомительность такихъ многолюдныхъ собраній и полное отсутствіе умѣнія руководить ими; результатъ—стадность рѣшенія: присоединеніе своего голоса къ міру, чего часто и не разобралъ или вовсе не слыхалъ“ [2]).

---

[1]) Тр. М. К., Саратовская губ., стр. 313—316.

[2]) Тр. М. К., Пермская губ., стр. 86.

Крестьяне работящіе и толковые въ виду этого уклоняются отъ сходовъ. На сходахъ дѣйствуютъ обыкновенно нѣсколько горлановъ изъ числа нехозяйственныхъ крестьянъ, находящихся въ зависимости отъ кулаковъ и міроѣдовъ. Сельскій сходъ является послушнымъ орудіемъ въ рукахъ послѣднихъ и часто постановляетъ приговоры, клонящіеся къ явному ущербу для общества. „У лицъ, составляющихъ сходъ, говоритъ предс. съѣзда мир. судей Виленской губ., нѣтъ и въ зародышѣ долга общественнаго служенія“ [1]); „за ведро вина, говорится въ трудахъ Тамбовской губ., они готовы... постановить какой угодно приговоръ, праваго сдѣлать виновнымъ, виноватаго правымъ, продать свои собственные интересы [2]). Выставленное вино играетъ громадную роль. По словамъ крест. Баева въ Мценскомъ у. комитетѣ Орловской губ.: „рѣдкая сходка крестьянъ обойдется безъ винопитія, всякое дѣло какъ начинается, такъ и кончается обязательнымъ могарычемъ“ [3]). Ко всему этому комитеты присоединяютъ указаніе на административное вмѣшательство въ дѣла сходовъ со стороны земскихъ начальниковъ, которое вводитъ въ сельское самоуправленіе элементы случайности и произвола, не устраняя ни одного изъ его недостатковъ, и окончательно отбиваетъ у крестьянъ охоту принимать участіе въ сходахъ.

Но на ряду съ этими огульными осужденіями схода встрѣчается въ средѣ комитетовъ неоднократное указаніе на то, что съ чисто хозяйственными, домашними дѣлами крестьяне прекрасно справляются. „Свои хозяйственныя дѣла, говорится въ трудахъ комитетовъ, крестьяне знаютъ не хуже другихъ и въ этой сферѣ дѣятельности едва-ли нуждаются въ чьемъ-либо руководительствѣ со стороны“. Не могутъ они удовлетворительно разрѣшать лишь дѣла полицейско-административнаго, финансоваго и судебнаго характера, возложенныя на сельскіе сходы. Въ этомъ смыслѣ высказалась, напр., коммиссія по юридическо-правовымъ вопросамъ Малмыжскаго у. комитета Вятской губ. [4]) и цѣлый рядъ другихъ комитетовъ. Въ виду этого комитеты высказываются за оставленіе въ вѣдѣніи сходовъ однихъ общинно-хозяйственныхъ дѣлъ, но въ этой узкой домашней сферѣ необходимо, по ихъ мнѣнію, освободить сходъ отъ административной опеки.

---

[1]) Тр. М К., Виленская губ., стр. 178.
[2]) Тр. М. К, Тамбовская губ., стр. 134.
[3]) Тр. М К., Орловская губ., стр. 675.
[4]) Тр. М. К., Вятская губ., стр. 463.

Вмѣстѣ съ этимъ комитеты высказались за отмѣну 64 и 66 ст. Общ. Пол о крест, требующихъ для важнѣйшихъ дѣлъ согласія $^2/_3$ всѣхъ крестьянъ общества, и для всѣхъ остальныхъ дѣлъ—$^1/_2$. Записка одного зем. нач., поданная въ Самарскій у. комитетъ говоритъ, что это число голосовъ собрать очень трудно и потому приговоры пишутся заглазно, часто лживо, подписи отбираются потомъ и, вслѣдствіе неграмотности крестьянъ, этимъ открывается возможность разныхъ злоупотребленій. Для устраненія этого тотъ же земскій начальникъ предлагаетъ для важнѣйшихъ дѣлъ требовать простого большинства голосовъ, а всѣ остальныя дѣла рѣшать на, такъ называемыхъ, малыхъ сходахъ, въ которыхъ участвовали бы лишь сельскія должностныя лица и выборные отъ каждыхъ 5, 10 и даже болѣе дворовъ [1]).

Нѣкоторые комитеты идутъ дальше и требуютъ реформированія сельскаго схода на началѣ всесловности съ допущеніемъ къ сельскому управленію всѣхъ жителей села, включая и мѣстнаго помѣщика. Если провести въ сходѣ это начало и оставить общему сходу всѣхъ поселянъ лишь выборныя функціи, для всѣхъ же остальныхъ дѣлъ села учредить особый сельскій совѣтъ изъ небольшого числа выборныхъ членовъ, то недостатки современнаго сельскаго схода будутъ устранены. За эту послѣднюю мѣру, высказалось 27 комитетовъ.

Не лучше отзывы мѣстныхъ комитетовъ о современныхъ должностныхъ лицахъ крестьянскаго общественнаго управленія. Такими лицами являются выборные волостной старшина, сельскій староста, сотскіе и десятскіе, и наемные волостной и сельскій писаря. Комитеты указываютъ на весьма важное значеніе всѣхъ этихъ лицъ, непосредственно стоящихъ надъ крестьянами, и многосложность возложенныхъ на нихъ обязанностей. Кромѣ общественныхъ и хозяйственныхъ дѣлъ крестьянъ они вѣдаютъ полицію безопасности, судебно-полицейское дѣло, воинскую и другія повинности, податное дѣло, продовольственное, страховое, выполняютъ порученія всевозможныхъ вѣдомствъ, постоянно собираютъ различныя статистическія свѣдѣнія и т. д. Такимъ образомъ, сельскія власти являются не только сословными крестьянскими учрежденіями, но и исполнительными органами правительства и земства. Между тѣмъ лица, несущія всѣ указанныя обязанности по отзыву комитетовъ въ большинствѣ случаевъ совершенно неспособны

[1]) Тр М. К., Самарская губ., стр. 535—537.

справиться съ ними Даже волостые старшины сплошь и рядомъ люди совершенно безграмотные, находящіеся поэтому въ полной зависимости отъ писарей, составъ которыхъ, въ свою очередь, оставляетъ желать многаго.

Кромѣ того вознагражденіе, получаемое сельскими должностными лицами ничтожно. По словамъ Филотова въ Тамбовскомъ у. комитетѣ, волостные старшины получаютъ жалованія отъ 200 до 500 руб. въ годъ, сельскій староста 60 руб. [1]). Въ другихъ мѣстахъ оно еще меньше. Членъ Устьсысольскаго у. комитета Вологодской губ., под. инсп. Поповъ, по этому поводу говоритъ: „Наши волостные старшины получаютъ жалованія отъ 36 до 60 руб. въ годъ, сельскіе старосты 30—40 руб. въ годъ, даже волостные писаря получаютъ 200—300 руб. въ годъ. Между тѣмъ какъ волостной писарь въ большинствѣ случаевъ представляетъ собою и волостного старшину, и старосту, и судью, и сборщика, и ститистика, и почмейстера, т. е., долженъ работать 24 часа въ сутки [2])... Такое положеніе дѣлаетъ крестьянскія должности крайне невыгодными. Исполненіе обязанностей отнимаетъ время, собственное хозяйство приходитъ въ упадокъ. Вслѣдствіе этого зажиточные крестьяне всячески уклоняются и даже откупаются у мира отъ выборныхъ должностей. Выбираютъ обыкновенно малоимущихъ, задолженныхъ, неисправныхъ плательщиковъ и вообще худшихъ крестьянъ. Между тѣмъ сельскія должности представляютъ много соблазновъ. По словамъ одного земскаго начальника Саратовской губ., если даже на сельскую должность попадаетъ хозяйственный, трезвый и добросовѣстный крестьянинъ, то онъ „въ первые же годъ—два становится неузнаваемымъ, превращаясь въ пьяницу и сумасброднаго, подъ обаяніемъ власти, дебошира“.

О низшихъ должностныхъ лицахъ, десятскихъ и сотскихъ, и говоритъ нечего. Положеніе ихъ очень тяжело. „Ихъ, читаемъ въ трудахъ комитетовъ, постоянно отрываютъ отъ хозяйства по требованію крестьянскихъ учрежденій, судебныхъ властей, полиціи и другихъ вѣдомствъ: за десятки верстъ ихъ посылаютъ вызывать лицъ, которыхъ требуютъ эти вѣдомства, сопровождать арестованныхъ, нести всевозможныя дежурства при проѣздѣ разныхъ должностныхъ лицъ, при становой квартирѣ, на ярмаркахъ, пожарахъ, при мертвыхъ тѣ-

---

[1]) Тр. М. К., Тамбовская губ., стр 313.

[2]) Тр М. К., Вологодская губ., стр. 296.

лахъ и т. д; жалованія, за рѣдкими исключеніями, они не получаютъ и продовольствуются на свой счетъ". Отсюда крайне плохой составъ этихъ низшихъ должностей сельской полиціи, безсильный принести какую-либо пользу. „Случайно оторванные отъ сохи, говоритъ о нихъ крест. Колесниковъ въ Суджанскомъ у. комитетѣ Курской губ., большею частію неграмотные, они не только не могутъ аккуратно исполнять свои обязанности, но даже не въ силахъ ориентироваться, что и какъ дѣлать [1])". Между тѣмъ они должны разбираться въ нашихъ вещахъ, какъ пожарный уставъ, повѣрять торговые вѣсы, слѣдить за торговлею ядовитыми веществами и пр.

Положеніе сельскихъ должностныхъ лицъ еще болѣе ухудшается зависимостью ихъ отъ чиновъ полиціи, земскихъ начальниковъ, мировыхъ посредниковъ и вообще всѣхъ начальствующихъ лицъ. Говоря о сельскомъ старостѣ, Черниговскій губ. комитетъ замѣчаетъ: „Всѣ имъ помыкаютъ—и урядникъ, и волостной старшина, и писарь, и приставъ, и земскій начальникъ (рѣдкій случай, чтобы за время службы онъ не попалъ нѣсколько разъ подъ арестъ)" [2]). Бываютъ и прямо злоупотребленія властью. Вотъ, напр., что пишетъ крест. Петренко въ Суджанскій у комитетъ: „Я человѣкъ малограмотный и слышалъ, что можно писать записки въ комитетъ. Вотъ я опишу, какъ я былъ сотскимъ и какъ я несъ свою службу; начну съ того, что насъ въ деревнѣ 30 дворовъ, въ которой 2 десятскихъ и 1 сотскій. Живемъ мы отъ Суджи въ 18 верстахъ и каждую недѣлю выставляемъ 2 обязательныхъ, а то и три подводы становому приставу, и на каждый разъ пріѣзжаетъ около 80 человѣкъ подводчиковъ. Зачѣмъ же мы пріѣзжаемъ?—За тѣмъ, смотря по времени года: копать огородъ, садить картофель, убирать сѣно, рубить дрова, возить воду и носить кухаркѣ, запрягать и отпрягать кучеру лошадей .. на то мы и полиція... Вотъ почему у насъ во время выбора десятскихъ и сотскихъ каждый ставитъ водку и откупается отъ этой должности, черезъ что у насъ является большое пьянство" [3]).

Вслѣдствіе всего этого, „на выборную службу въ деревнѣ, по словамъ зем. нач. Слѣпцова Саратовской губ., идутъ теперь не по желанію, какъ бывало раньше, а по необходимости и по обязанности,

---

[1]) Тр. М. К., Курская губ., стр 680—681.
[2]) Тр. М. К., Черниговская губ, стр. 11
[3]) Тр. М. К., Курская губ, стр. 706

идутъ не охотой, не добиваются избранія, какъ чести, а лишь примиряются съ нимъ, какъ съ безвыходною необходимостью, отъ которой нельзя уклониться“ [1]). Или, какъ говорится въ трудахъ Вологодской губ.: „выборная служба по сельскому управленію превратилась въ натуральную повинность“, отъ нея всякій членъ крестьянскаго общества открещивается [2]).

Но и правительство въ современныхъ сельскихъ должностныхъ лицахъ, по отзыву комитетовъ, имѣетъ очень плохихъ исполнителей своихъ распоряженій. Подчиненные начальству, они въ еще большей зависимости находятся отъ своихъ односельчанъ. Ими они выбраны, отъ нихъ получаютъ жалованіе, къ средѣ ихъ принадлежатъ сами, всегда могутъ опасаться мести въ видѣ поджога. Получается, такимъ образомъ, „положеніе между молотомъ и наковальней“, какъ говоритъ одинъ комитетъ, „служба двумъ господамъ“, по словамъ другого. Отъ этого страдаютъ и государственные интересы и хозяйственные интересы сельскихъ обществъ.

Вслѣдствіе указанныхъ недостатковъ въ организаціи крестьянскихъ должностныхъ лицъ, комитеты высказались за слѣдующія измѣненія ея. Необходимо изъять изъ сферы ихъ обязанностей административныя и полицейскія функціи, оставивъ имъ лишь завѣдываніе хозяйственно-благоустройственными дѣлами сельскихъ обществъ. Обязанности же административныя и полицейскія передать общей администраціи и полиціи, назначенной отъ правительства. За это высказалось 23 комитета, въ томъ числѣ 4 губернскихъ. Но гораздо большее число комитетовъ—79, въ томъ числѣ 15 губернскихъ—не нашло возможнымъ итти такъ далеко въ отмѣнѣ выборнаго начала. Правительство, по ихъ мнѣнію, должно назначать лишь сельскую полицію, такія же должности, какъ волостной старшина и сельскій староста должны быть выборными. Въ этомъ сказалось справедливое опасеніе угнетенія сельскаго населенія чиновной администраціей. Для насъ лично и въ правительственной полиціи заключается серьезная опасность, въ виду трудности создать удовлетворительный составъ для низшихъ сельскихъ агентовъ ея. Поэтому и здѣсь совершенное устраненіе выборнаго начала нежелательно. Примирить исполнительность правительственной полиціи съ тѣми гарантіями для населенія, ко-

[1]) Тр. М. К., Саратовская губ, стр 316.
[2]) Тр. М. К, Вологодская губ., стр. 296.

торыя даетъ выборная, можно, сдѣлавъ низшихъ полицейскихъ чиновъ—урядника, сотскаго, десятскаго, стражника—назначаемыми, но не общей администраціей, а выборнымъ лицомъ, стоящимъ во главѣ административнаго управленія волости. Тогда іерархія полиціи будетъ такова: правительственные—губернаторъ, исправникъ, выборный глава волости, а затѣмъ, назначенные послѣднимъ урядникъ и др. низшіе чины. Волость при этомъ предполагается, конечно, всесословной.

Такъ какъ крестьянскія должностныя лица служатъ не однимъ крестьянскимъ интересамъ, но выполняютъ цѣлый рядъ задачъ общегосударственнаго характера, то по мнѣнію громадной группы комитетовъ—49 съ 7 губернскими—волостныя правленія и сельскія должностныя лица должны содержаться на общегосударственныя средства; по мнѣнію 18 комитетовъ во всякомъ случаѣ необходимо привлечь къ содержанію ихъ лицъ некрестьянскаго сословія.

Для улучшенія качества выборныхъ должностей комитеты считаютъ необходимымъ отмѣтить обязательность ихъ, ослабить зависимость ихъ отъ администраціи, отмѣтить административныя взысканія безъ суда, увеличить получаемое ими содержаніе. Для волостного старшины и волостного писаря цѣлый рядъ комитетовъ требуютъ, кромѣ того, установленія образовательнаго ценза и дарованія правъ государственной службы.

На ряду со всѣми этими отдѣльными мѣрами огромное число комитетовъ высказалось за коренную реформу всего сельскаго управленія на началахъ всесословности. Въ комитеты поступило много подробно мотивированныхъ и детально разработанныхъ проэктовъ всесословной организаціи мѣстнаго управленія.

Большинство этихъ проэктовъ оставляетъ въ завѣдываніи сословнаго управленія лишь хозяйственныя дѣла села, вытекающія изъ общности землевладѣнія. Затѣмъ всѣ прочія дѣла переходятъ въ вѣдѣніе всесословныхъ органовъ.

Относительно устройства послѣднихъ въ средѣ комитетовъ обрисовалось два различныя теченія. Оба склоняются къ всесословной волости. Но первое передаетъ этой волости только дѣла общественнаго хозяйства и благоустройства. Дѣла же административныя, полицейскія, фискальныя и судебныя, по этому мнѣнію, должны быть переданы соотвѣтственнымъ органамъ общей администраціи, полиціи, финансоваго вѣдомства и суда. На долю выборнаго волостного управленія, по мнѣнію, напр., предс. Борисоглѣбской у. зем. управы Там-

бовской губ. Измайлова, въ такомъ случаѣ осталось бы: медицинское, школьное, дорожное дѣло, страховое, пожарное, продовольственное, общественное призрѣніе, агрономическая помощь населенію и т. п., т. е., чисто земскія функціи. Съ этой компетенціей всесословная волость явилась бы мелкой земской единицей, она объединила-бы всѣхъ жителей извѣстнаго небольшого района и была бы поставлена въ связь съ уѣзднымъ и губернскимъ земствомъ. Главнымъ органомъ такой всесословной волости явился бы волостной сходъ изъ представителей сельскихъ обществъ, частныхъ землевладѣльцевъ, а также извѣстныхъ должностныхъ и служащихъ лицъ волости, каковы: врачи, фельдшера, учителя, священники, агрономы и т. п. [1]).

Съ этимъ теченіемъ борется другое, склоняющееся къ такому типу всесословной волости, при которомъ она являлась бы не только мелкой земской единицей, вѣдающей одни хозяйственныя дѣла, но и органомъ ближайшаго къ населенію управленія, построеннаго на всесословномъ началѣ. Послѣдній типъ волостного управленія представляется намъ болѣе соотвѣтствующимъ условіямъ сельской жизни. Мелкая земская единица отдаетъ всѣ административныя функціи сельскаго управленія въ руки правительственныхъ органовъ. Но мы указали уже вытекающія изъ этого опасности для населенія. Административно-хозяйственная всесословная волость счастливо избѣгаетъ ихъ. Если положить ее въ основаніе, то мѣстное управленіе представляется намъ схематически въ слѣдующемъ видѣ.

I Губернія: административное лицо—губернаторъ; хозяйственно-благоустройственный органъ—губернское земство.

II. Уѣздъ: административное лицо—исправникъ, соотвѣтствующій западно-европейскому префекту; хозяйственно-благоустройственный органъ—уѣздное земство.

III. Волость: здѣсь административныя и хозяйственныя функціи сливаются въ одномъ всесословномъ волостномъ управленіи. Послѣднее состоитъ изъ: волостного собранія, выбраннаго всѣмъ населеніемъ волости, волостной управы и стоящаго во главѣ волости старшины. Послѣдній выбирается волостнымъ собраніемъ. Поставленный независимо, получивши права государственной службы, достаточное содержаніе, обладающій извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ новый всесослов-

---

[1]) Тр М. К., Тамбовская губ., стр 135

ный старшина будетъ очень далекъ отъ настоящаго волостного старшины, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ соединитъ въ себѣ всѣ достоинства выборной власти, облеченной довѣріемъ избравшаго его населенія. Это будетъ русскій меръ. Онъ назначаетъ отъ себя низшихъ полицейскихъ агентовъ. По административнымъ дѣламъ волости онъ непосредственно сносится съ исправникомъ и губернаторомъ. Должности же станового пристава и земскаго начальника упраздняются. Въ хозяйственно-благоустройственныхъ дѣлахъ волость является мелкой земской единицей, самостоятельно разрѣшаетъ нѣкоторыя земскія задачи, въ другихъ же подчинена уѣздному и губернскому земству и выполняетъ его порученія.

IV. Село: сельскій сходъ изъ всѣхъ поселянъ сохраняется лишь для выборовъ. Всѣ административныя и хозяйственныя дѣла вѣдаетъ сельскій совѣтъ изъ немногихъ лицъ, выбранныхъ сходомъ. Этимъ будутъ устранены недостатки нынѣшнихъ многолюдныхъ сходовъ. Во главѣ сельскаго совѣта стоитъ сельскій староста, подчиненный волостному старшинѣ. Сельскій совѣтъ вѣдаетъ самостоятельно нѣкоторыя свои хозяйственныя дѣла, а въ другихъ является вспомогательнымъ и исполнительнымъ органомъ волости. Что же касается отношеній крестьянъ, вытекающихъ изъ общности земельнаго владѣнія, то всѣ они совершенно не относятся къ области публичнаго права, и если для нихъ нужны особыя сообщества, послѣднія должны быть нормированы на началахъ частнаго гражданскаго права.

Въ такихъ чертахъ рисуется намъ сельское управленіе, реформированное на основаніи указаній мѣстныхъ комитетовъ. Но каковы бы ни были детали организаціи всесословной волости, мы отмѣчаемъ одно: за ничтожными исключеніями, общимъ выводомъ комитетовъ является вотумъ за введеніе всесословнаго начала въ низшее сельское управленіе. Если формы варьируютъ, основная мысль одна. Она подсказала детальнымъ знакомствомъ съ современной деревенской жизнью. Отзывы комитетовъ показываютъ, что жизнь эта сильно осложнилась подъ вліяніемъ общенія съ городомъ, фабрикой и заводомъ, благодаря школѣ, всеобщей воинской повинности, желѣзнымъ дорогамъ и пр. Сословная замкнутость крестьянъ исчезла, въ деревню ворвалось много другихъ элементовъ, интересы которыхъ тѣ же, что и у крестьянъ. Законодательство съ его сословными рамками отстало отъ жизни, эти рамки стали узки и должны быть отброшены. Новыя силы выросшія въ деревнѣ: многочисленные мелкіе частные землевла-

дѣльцы, представители торговли и промышленности, наконецъ, лица интеллигентныхъ профессій, должны быть привлечены къ участію въ сельскихъ дѣлахъ. Здѣсь всѣ они приложатъ свои силы къ устройству мѣстной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе равномѣрно разложится тяжесть содержанія сельскаго управленія, въ настоящее время непосильно ложащаяся на однихъ крестьянъ.

Нѣкоторые комитеты высказываются за то, что всесословная волость должна быть вмѣстѣ съ тѣмъ и низшимъ судебнымъ органомъ. Но для разрѣшенія этого вопроса мы раньше познакомимся съ современнымъ состояніемъ крестьянскаго суда и отзывами о немъ мѣстныхъ комитетовъ.

IV.

Крестьянскій судъ.

Первою инстанціей крестьянскихъ судебныхъ учрежденій является волостной судъ. Онъ играетъ главную роль въ крестьянскомъ правосудіи, на немъ и останавливаются съ особымъ вниманіемъ комитеты.

Волостной судъ созданъ Положеніемъ 19 февраля 1861 года. Въ этомъ видѣ онъ до сихъ поръ дѣйствуетъ въ мѣстностяхъ, гдѣ не введены земскіе начальники. Состоитъ онъ изъ крестьянъ, избираемыхъ на волостномъ сходѣ, числомъ отъ 4 до 12, срокомъ на одинъ годъ. Волостной судъ совершенно независимъ отъ администраціи: судьи вступаютъ въ должность безъ всякаго утвержденія начальствомъ, административныя крестьянскія должностныя лица—волостной старшина и сельскіе старосты—судьями быть не могутъ и въ производство дѣлъ не вмѣшиваются. Компетенція волостного суда по Положенію 19 февраля: гражданскія дѣла—цѣною до 100 руб., изъ уголовныхъ—„маловажные проступки“ съ правомъ наказанія общественными работами до 6 дней, арестомъ до 7 дней, штрафомъ до 3 рублей и тѣлеснымъ наказаніемъ до 20 ударовъ. Рѣшенія волостного суда окончательны, апелляціи нѣтъ, возможна лишь кассація съѣздомъ мировыхъ посредниковъ.

Положеніе 12 іюля 1889 года о зем. нач. затронуло и волостной судъ, внеся въ него много существенныхъ измѣненій. Сословный крестьянскій характеръ его остался—судьи тѣ же крестьяне. Но выборный элементъ значительно ослабленъ. По закону 1889 года выбираются сельскимъ сходомъ не судьи, а лишь кандидаты, по одному отъ сельскаго общества, въ числѣ не менѣе 8 на волость. Изъ этого

состава кандидатовъ земскій начальникъ своею властью назначаетъ 4 судьями, и изъ нихъ уѣздный съѣздъ одного предсѣдателемъ. Послѣднимъ можетъ быть теперь назначено и главное должностное лицо волости—волостной старшина. Параллельно значительно расширена компетенція волостного суда. Прежде ему были подсудны лишь крестьяне, теперь и всѣ постоянно живущіе въ сельскихъ мѣстностяхъ мѣщане, посадскіе, ремесленники и цеховые. По гражданскимъ дѣламъ съ 1889 году волостной судъ вѣдаетъ иски о надѣльномъ имуществѣ на всякую сумму, прочія тяжбы до 30 руб., а наслѣдственныя дѣла до 500 рублей. Уголовная компетенція также расширена: волостному суду передана большая часть проступковъ, подвѣдомственныхъ прежде мировымъ судьямъ, а карательная власть повышена до 20 дней ареста и 30 руб. штрафа. Тѣлесное наказаніе оставлено въ томъ же размѣрѣ—до 20 ударовъ. Наконецъ, рѣшенія волостного суда признаны неокончательными, создана апелляціонная инстанція въ лицѣ судебнаго присутствія уѣзднаго съѣзда, куда передаются дѣла земскимъ начальникомъ по жалобѣ сторонъ. Кассація возложена на губернское присутствіе.

Какъ старый, такъ и реформированный волостной судъ вызвалъ почти единодушные отрицательные отзывы въ средѣ комитетовъ. По преобладающему мнѣнію личный составъ волостныхъ судей совершенно не отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, которымъ должны удовлетворять органы правосудія. Настойчиво отмѣчается безграмотность судей, неспособность ихъ разобраться въ мало-мальски сложномъ случаѣ, наконецъ, подкупность ихъ. Зем. нач. Остерскаго у. Черниговской губ. Максимовскій говоритъ: „Для крестьянъ существуетъ волостной судъ. Но что же это за судилище?... Да прощено мнѣ будетъ, ибо не въ осужденіе говорю, а ради пользы дѣла, если скажу, что болѣе безотрадное учрежденіе, чѣмъ волостной судъ, едва ли можно найти на землѣ... Четыре крестьянина, неграмотные или малограмотные, избранные не изъ лучшихъ людей, а изъ болѣе нуждающихся—лучшіе люди не пойдутъ на это дѣло, не бросятъ своего хозяйства и не захотятъ брать на себя „пятна“, какъ они выражаются,—эти четыре крестьянина... вовсе незнакомые съ закономъ, ничѣмъ не отличающіеся по уму отъ своего собрата, садятся за судейскій столъ, покрытый краснымъ сукномъ, украшенный зерцаломъ и портретомъ Государя, и начинаютъ судить своего собрата—крестьянина, а то еще лучше—мѣщанина, который и умнѣе и образованнѣе, чѣмъ этотъ

судъ. Если писарь толковъ..., то онъ въ дѣйствительности и есть настоящій судья, тогда рѣшеніе суда хотя по виду сколько-нибудь прилично, о внутренней правдѣ я не говорю, потому что среди писарей ее найти очень мудрено. Но если писарь плохъ, то рѣшенія суда имѣютъ невозможный видъ и по внутреннему, и по внѣшнему содержанію.. Пьянство судей и подкупъ судей и свидѣтелей—это обычное явленіе“ [1]) Вслѣдствіе этого, по словамъ того же земскаго начальника: „онъ никакого уваженія населенія къ этому суду нигдѣ не замѣчалъ, а полнаго пренебреженія и оскорбительнаго отношенія видѣлъ много“. По словамъ Глуховскаго у. предв. двор. Черниговской губ. Кочубея: „нынѣшній составъ волостныхъ судовъ, состоящихъ изъ лицъ не только необразованныхъ, но и часто малограмотныхъ, ведетъ къ сведенію на нуль основныхъ принциповъ всякаго суда, безпристрастности и свободы совѣсти“ [2]). Крест. Королевъ говоритъ въ Суджанскомъ у. комитетѣ Курской губ.: „старшина, писарь, дѣлопроизводитель и судьи, въ большинствѣ случаевъ, при разрѣшеніи дѣлъ разсѣкаютъ судебный гордіевъ узелъ такъ: чья изъ двухъ, просителя или отвѣтчика, чаша съ деньгами, продуктами и водкою тяжелѣе потянетъ, тотъ и выигрываетъ дѣло, составить рѣшеніе, подтасовать показаніе свидѣтелей и мотивировку въ ту или другую сторону—дѣло уже рукъ дѣлопроизводителя“ [3]). И такому суду, восклицаетъ онъ, ввѣряется веденіе весьма крупныхъ для крестьянской среды дѣлъ. Еще суровѣе отзывы землевладѣльцевъ. Мясоѣдовъ, напр., изъ Рославльскаго у. Смоленской губ. говоритъ: „Заглянемъ въ волостной судъ. Этотъ судъ, предназначенный законодателемъ имѣть громадное воспитательное значеніе для народа, вмѣсто этого вноситъ страшную деморализацію. Это ложный кругъ: въ судьи попадаютъ нечестные люди... Эти нечестные люди своими пристрастными рѣшеніями губятъ честность въ народѣ, и такъ безъ конца въ родѣ perpetuum mobile. Чуть не каждое рѣшеніе таксируется на водку, дрова и деньги. Всѣ мѣры противъ этого зла ограничиваются закрытіемъ кабаковъ и винныхъ лавокъ на время засѣданія суда, какъ будто кто-либо пьетъ водку во время разбора дѣла. Ее пьютъ либо передъ дѣломъ въ видѣ посула, либо послѣ него въ видѣ благодарности“ [4]). Въ запискѣ Бла-

[1]) Тр. М. К., Черниговская губ, стр. 50.

[2]) Тр. М. К., Черниговская губ., стр. 129.

[3]) Тр. М. К., Курская губ., стр. 687.

[4]) Тр. М. К., Смоленская губ, Журналы уѣздныхъ комитетовъ, стр 219.

говѣщенскаго, поданной въ Весьегонскій у. комитетъ Тверской губ., говорится о неоднократныхъ жалобахъ въ съѣздъ на то: „что судья держитъ руку той или другой стороны, что предсѣдатель дѣйствуетъ, какъ повѣренный стороны, что кто-либо изъ тяжущихся носилъ медъ предсѣдателю, что судьи были угощаемы стороною, и иногда настолько усердно, что предсѣдатель, напр., по выраженію жалобщиковъ, выходилъ въ засѣданіе „съ медалями не только на груди, но и на спинѣ“, что судья, будучи въ нетрезвомъ видѣ, столкнулъ зерцало на полъ, что въ рѣшеніе вмѣшивался старшина, что дѣлопроизводитель суда, будучи въ томъ же судѣ отвѣтчикомъ по дѣлу, составлялъ протоколъ засѣданія и проч.“ [1]). Землевладѣлецъ Гросулъ-Толстой въ Одесскомъ у. комитетѣ говоритъ: „Крестьяне-судьи, въ большинствѣ знающіе только подписать свою фамилію, иногда нетрезвые, нерѣдко подкупаемые, они всецѣло находятся въ рукахъ письменнаго, большею частью, захожаго, безъ образованія волостного писаря. Рука и мозги послѣдняго понаторѣли изрекать приговоры по общему шаблону съ примѣненіемъ одной и той же статьи закона и съ перевираніемъ свидѣтельскихъ показаній. Такой судъ для крестьянъ образовательнаго значенія не имѣетъ, они его не уважаютъ, глумятся надъ нимъ и того мнѣнія, что его можно купить“ [2])

Такіе же отзывы о составѣ и личныхъ качествахъ судей идутъ изъ западныхъ губерній, гдѣ дѣйствуетъ прежняя, первоначальная форма волостного суда. Лишь изрѣдка встрѣчаются противоположные отзывы.

Но не одни дурныя качества личнаго состава дѣлаютъ волостной судъ плохимъ судомъ. Въ Херсонской губ. мѣстные дѣятели цитируютъ слѣдующія слова Побѣдоносцева: „дѣйствіе учрежденій зависитъ отъ людей, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя упускать изъ виду, что и люди образуются въ духѣ тѣхъ или другихъ учрежденій, и что есть учрежденія, при дѣйствіи коихъ нельзя ждать развитія людей въ томъ направленіи и духѣ, которому учрежденія сіи не соотвѣтствуютъ“ [3]). Волостной же судъ является именно учрежденіемъ не способнымъ воспитывать людей въ духѣ правосудія и законности. На это указываетъ цѣлый рядъ мѣстныхъ комитетовъ.

---

[1]) Тр М. К, Тверская губ, стр. 196

[2]) Тр. М. К., Херсонская губ, стр 260 - 261

[3]) Цитир. по Сборнику статей „Нужды деревни“, т. I, Спб 1904, стр 161.

По словамъ городского судьи Бѣляка Тихвинскаго у. Новгородской губ: „Болостной судъ вовсе не отвѣчаетъ тѣмъ основнымъ требованіямъ, которыя и наука, и практика предъявляютъ устройству и дѣятельности всякаго отвѣчающаго потребностямъ правосудія суда. Волостному суду недостаетъ самостоятельности и легальности. Подъ самостоятельностью, говоритъ онъ, разумѣютъ независимость суда и судей при отправленіи правосудія отъ какихъ-либо посторонникъ вліяній, въ томъ числѣ и отъ вліянія какого-бы то ни было начальства"... Этого нѣтъ въ волостныхъ судахъ: „въ то время, какъ члены окружныхъ судовъ назначаются Высочайшею властью и могутъ быть смѣнены не иначе, какъ по суду, а городскіе судьи назначаются Высочайшими приказами, по представленію министра юстиціи, и увольняются по постановленію консультаціи при министерствѣ, съ утвержденія министра юстиціи; а дисциплинарнымъ взысканіямъ подвергаются не иначе, какъ по постановленію высшаго коллегіальнаго суда—судебной палаты, суду предаются лишь по постановленію сената,—волостные судьи назначаются земскимъ начальникомъ изъ кандидатовъ, выбранныхъ сельскими обществами, земскій же начальникъ можетъ временно устранить волостного судью отъ должности и войти въ административное присутствіе уѣзднаго съѣзда съ представленіемъ о совершенномъ увольненіи волостного судьи отъ службы и о преданіи его суду. За маловажные проступки земскій начальникъ можетъ подвергнуть волостного судью замѣчанію, выговору, денежному взысканію до 5 руб. и аресту до 7 дней безъ формальнаго производства. Такимъ образомъ, заключаетъ докладчикъ, волостные судьи вполнѣ зависятъ отъ земскаго начальника" [1]). О самостоятельности нашихъ судей нельзя говорить. Зависимость судей отъ земскаго начальника нарушаетъ принципъ „отдѣленія суда отъ администраціи", принципъ, поколебленный уже съ 1889 года тѣмъ, что на должность предсѣдателя волостного суда можетъ быть назначенъ волостной старшина, лицо административное, имѣющее, какъ мы видѣли выше, большую власть надъ крестьянскимъ населеніемъ, и, въ свою очередь подчиненное земскому начальнику и другимъ административнымъ лицамъ.

Другое начало—легальность—также не соблюдено въ организаціи волостного суда. „Подъ легальностью, говорится въ докладѣ того же городского судьи, разумѣется принципъ, въ силу котораго судъ

[1]) Тр. М. К., Новгородская губ., стр. 390.

при отправленіи правосудія руководствуется не своимъ усмотрѣніемъ, не произволомъ и не указаніемъ начальства, а правовыми нормами, какъ матеріальными, опредѣляющими права, такъ и процессуальными, которыми опредѣляется порядокъ производства дѣлъ въ судѣ и придается дѣйствіемъ суда „правомѣрный, а не случайный характеръ". Этого именно нѣтъ въ волостныхъ судахъ. Здѣсь совершенно почти нѣтъ ни матеріальнаго, ни процессуальнаго права. Въ области матеріальнаго права они „для руководства не имѣютъ никакихъ опредѣленныхъ законовъ и постановляютъ свои приговоры на основаніи мѣстныхъ обычаевъ". Если же принять во вниманіе, какъ это мы увидимъ дальше, что твердо установившихся обычаевъ въ деревнѣ нѣтъ, то нельзя не согласиться съ крест. Козаковымъ Дмитріевскаго у. Курской губ., который говоритъ: „обычное право даетъ полный просторъ произволу, бороться съ которымъ не въ силахъ никакой административный надзоръ" [1]). Предс. Борисоглѣбской у. зем. управы Тамбовской губ. по тому же поводу говоритъ: „волостные суды—насмѣшка надъ правосудіемъ, дѣятельность ихъ—произволъ подъ предлогомъ примѣненія несуществующихъ, неизвѣстно откуда взятыхъ обычаевъ, примѣняемыхъ по одному дѣлу такъ, по другому иначе" [2]).

Процессуальныхъ нормъ для волостныхъ судовъ, кромѣ самыхъ общихъ указаній въ Общемъ Полож. о крест. 1861 года и Временныхъ Правилахъ для вол. судовъ, изданныхъ въ 1889 году, также нѣтъ. Отсюда полное отсутствіе какой-бы то ни было законности въ волостномъ судѣ. „Можно сказать, говоритъ членъ Костромской губ. зем. управы Кривороговъ, что волостной судъ это совсѣмъ не судъ, ибо такимъ именемъ нельзя назвать учрежденіе, дѣйствующее стихійно и безсистемно, на основаніи какого-то мифическаго обычнаго права и 60 статей такъ называемыхъ Временныхъ Правилъ" [3]).

Не лучше отзывы и о высшихъ инстанціяхъ крестьянскихъ судебныхъ учрежденій—уѣздномъ съѣздѣ и губернскомъ присутствіи, которыя въ значительной части состоятъ не изъ судей, а изъ административныхъ чиновниковъ. Въ трудахъ Боровичскаго у. комитета Новгородской губ., напримѣръ, читаемъ о съѣздѣ: „и въ слѣдующей за волостнымъ судомъ инстанціи развѣ крестьянинъ видитъ судъ?

---

[1]) Тр М. К, Курская губ., стр. 161

[2]) Тр. М. К, Тамбовская губ., стр 132.

[3]) Тр М. К., Костромская губ., стр. 72.

Онъ приходитъ въ судъ и видитъ тамъ тоже свое начальство, судей почти нѣтъ, а сидятъ его непосредственные начальники; можетъ ли онъ при этомъ считать, что передъ нимъ сидитъ судъ? и какое онъ можетъ вынести впечатлѣніе объ этомъ, такъ называемомъ, судѣ, когда въ засѣданіи въ теченіе 2—3 часовъ разбирается по 60, 80 и даже болѣе дѣлъ!“ [1]) О кассаціонной инстанціи—губернскомъ присутствіи—даетъ отзывъ Суджанскій у. комитетъ. Докладчикъ въ этомъ комитетѣ, у. членъ окр. суда Говорунъ, напоминаетъ „о тѣхъ основаніяхъ, по которымъ при составленіи судебныхъ уставовъ было признано опаснымъ присвоеніе кассаціонныхъ функцій судебнымъ палатамъ, въ видахъ однообразія и однородности кассаціонной практики. Но судебныхъ палатъ, сравнительно, немного, а губернскія присутствія учреждены въ каждой губерніи, и каждое изъ нихъ устанавливаетъ свою собственную кассаціонную практику, внося свой элементъ путаницы и неустойчивости въ печальную область волостной юстиціи“ [2]).

Указанные недостатки волостныхъ судовъ такъ серьезны, что населеніе, по отзывамъ мѣстныхъ комитетовъ, само бѣжитъ ихъ. „Понятно, читаемъ въ докладѣ того же Говоруна, недовольство крестьянъ своимъ судомъ. „Передай, батюшка, наше дѣло, говорили они, мировому, а не въ волостной. Тамъ народъ слѣпой, несвѣдущій, пьяный, а писарь говоритъ: „дай, коли правды хочешь““ [3]). Въ докладѣ Ветлужскаго у. комитета Костромской губ. говорится, что „при мировомъ институтѣ крестьяне всегда предпочитали обращаться къ мировому“ [4]). По словамъ предсѣдателя Малоархангельской у. зем. управы Потулова, и въ Орловской губ. „населеніе при мировыхъ судьяхъ бѣжало отъ волостного суда, искусственно подтасовывая дѣла, чтобы подчинить его компетенціи мирового судьи, оно бѣжитъ и теперь“ [5])... Въ докладѣ юридической коммиссіи Гайсинскаго у. Подольской губ, гдѣ дѣйствуетъ первоначальная форма волостного суда, говорится, что и здѣсь „путемъ казуистической квалификаціи или путемъ завѣдомаго преувеличенія цѣны иска крестьяне стараются превысить подсудность дѣла, чтобы разбираться въ общемъ или мировомъ судѣ,

---

[1]) Тр. М. К, Новгородская губ, стр. 163.
[2]) Тр М. К., Курская губ., стр 632—633.
[3]) Тр. М. К, Курская губ, стр. 630.
[4]) Тр М. К, Костромская губ., стр. 258.
[5]) Тр. М. К, Орловская губ, стр 113.

хотя этотъ послѣдній сопряженъ съ расходами. Этотъ всеобщій фактъ, прибавляетъ докладъ, можетъ удостовѣрить каждый изъ судебныхъ дѣятелей“ [1]).

Въ виду всего сказаннаго мѣстные комитеты, сознавая всю важность суда для охраны личныхъ и имущественныхъ правъ крестьянства, а слѣдовательно, и для поднятія экономическаго благосостоянія деревни настойчиво совѣтуютъ реформировать крестьянскія судебныя учрежденія. 71 комитетъ вотировалъ за учрежденіе современнаго сословнаго волостного суда. Изъ нихъ 38 предложило замѣнить его общими для всѣхъ коронными мировыми судьями и окружными судами. 17 комитетовъ проэктируютъ возстановленіе выборной мировой юстиціи, которой и должны быть переданы всѣ дѣла, подвѣдомственныя волостнымъ судамъ. Наконецъ, третья группа, въ числѣ 16 комитетовъ, склоняется къ замѣнѣ сословнаго крестьянскаго суда низшимъ безсословнымъ коллегіальнымъ судомъ, выборнымъ и независимымъ отъ администраціи. Образцомъ такого суда могутъ служить гминные суды Царства Польскаго, успѣшно дѣйствующіе болѣе 25 лѣтъ. Они всесословны, состоятъ изъ выборнаго судьи и лавниковъ Для судьи требуется извѣстный имущественный и образовательный цензъ, утверждается онъ министромъ юстиціи, а въ дисциплинарномъ отношеніи подчиняется окружному суду. Апелляціонной инстанціей является мировой съѣздъ, гдѣ вмѣстѣ засѣдаютъ гминные и мировые судьи.

Дѣло соотвѣтствующаго вѣдомства выбрать одну изъ этихъ трехъ формъ низшаго суда—коронныхъ мировыхъ судей, выборныхъ мировыхъ судей или гминные суды (мы лично остановились бы на мировыхъ судьяхъ, не дѣлая особаго различія между выборными и коронными)—указанные комитеты лишь отмѣтили коренное требованіе жизни: учрежденіе сословнаго волостного суда и переходъ къ суду общему для всего населенія.

Но не всѣ комитеты признаютъ такой переходъ необходимымъ. Для самыхъ мелкихъ дѣлъ цѣлый рядъ комитетовъ (17) призналъ желательнымъ сохранить сословный волостной судъ, лишь уменьшивъ его компетенцію и реформировавъ его. Реформа эта, по мнѣнію однихъ, должна состоять въ назначеніи предсѣдателемъ лица съ из-

---

[1]) Тр. М. Подольская губ., стр 551.

вѣстнымъ образовательнымъ цензомъ, по мнѣнію другихъ, въ улучшеніи состава ихъ отъ власти административныхъ лицъ Обращено при этомъ вниманіе и на улучшеніе высшихъ инстанцій, введеніемъ въ нихъ большаго числа лицъ судебнаго вѣдомства.

Совершенно единичные комитеты [1]) высказались за оставленіе волостного суда въ теперешнемъ видѣ, признавъ нежелательною какую-либо реформу его.

Главные мотивы, по которымъ рядъ комитетовъ стоитъ за сохраненіе сословнаго волостного суда, состоятъ въ указаніи на его дешевизну для государства и населенія, доступность и приспособленность къ крестьянскому обычному праву. Что касается перваго довода, то въ тѣхъ же трудахъ мѣстныхъ комитетовъ много разъ повторяется разными лицами, что правый судъ—это такое высокое благо въ государственной жизни, что ради достиженія его нельзя останавливаться передъ извѣстными затратами. „Крестьянство, говорится въ особой коммиссіи при Самарскомъ у. комитетѣ, какъ главный плательщикъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, имѣетъ право на полученіе правосудія, какихъ бы средствъ это ни стоило. Запасы съ лихвою возвратятся увеличенною производительностью крестьянскаго труда“ [2]). Переплата же населенія, если посчитать, во что ему обходится подкупный волостной судъ, будетъ въ дѣйствительности не такъ значительна. Доступность волостного суда дѣйствительно очень велика, но вѣдь и гминные суды доступны, а если увеличить число мировыхъ судей, то и мировая юстиція станетъ очень доступной.

Ссылка на обычное право серьезнѣе. Носителями и знатоками его, говорятъ члены нѣкоторыхъ комитетовъ, являются крестьяне, поэтому долженъ быть сохраненъ особый крестьянскій судъ Но гминные судьи съ ихъ лавниками оказались бы не менѣе свѣдущими въ мѣстныхъ обычаяхъ. Такими же оказались бы мировые судьи, выбранные мѣстнымъ населеніемъ. Наконецъ, при коронныхъ мировыхъ судьяхъ могъ бы быть учрежденъ родъ шеффиковъ, избираемыхъ изъ мѣстныхъ жителей, въ качествѣ экспертовъ по обычному праву. Это ослабляетъ ссылку на обычное право. Но помимо этого встаетъ еще вопросъ, дѣйствительно-ли существуетъ обычное право, настолько-ли

---

[1]) Пермскій и Нижегородскій губернскіе, Смоленскій уѣздный, Макарьевскій Костромской губ. и Подольскій Московской губ.

[2]) Тр. М К, Самарская губ, стр. 482

оно твердо, чтобы на него могла опираться правовая жизнь деревни. Если на этотъ вопросъ отвѣтить отрицательно; если далѣе, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда обычное право существуетъ, желательно замѣнить его общими для всѣхъ писаными законами—тогда сама собою исчезаетъ необходимость сохраненія особаго сословнаго крестьянскаго суда.

Вотъ почему мы разсмотримъ теперь отзывъ комитетовъ о крестьянскомъ матеріальномъ правѣ.

V.

Матеріальное гражданское и уголовное право крестьянъ.

Ст. 135 Общаго положенія о крест гласитъ: „Волостной судъ рѣшаетъ дѣла по совѣсти, на основаніи имѣющихся въ дѣлѣ доказательствъ. При разрѣшеніи тяжбъ и споровъ между крестьянами, въ особенности же дѣлъ о раздѣлѣ крестьянскаго наслѣдства, судъ руководствуется мѣстными обычаями". Эта статья устанавливаетъ разбирательство гражданскихъ дѣлъ на основаніи мѣстнаго обычнаго права. Такой порядокъ подвергается рѣзкой критикѣ со стороны мѣстныхъ комитетовъ.

Цѣлый рядъ послѣднихъ указываетъ, что въ крестьянской средѣ не существуетъ какихъ-либо твердыхъ, освященныхъ долгимъ временемъ обычаевъ. „Подъ обычнымъ правомъ, говоритъ тов. предс. Орловскаго окр. суда Кистеневъ въ Орловскомъ комитетѣ, подразумѣвается такая юридическая норма, которая служитъ выраженіемъ юридическаго убѣжденія народа. Это убѣжденіе слагается, конечно, въ долгій періодъ времени и слагается совершенно свободно; оно есть слѣдствіе долгой свободной жизни народа. У нашего народа, угнетаемаго крѣпостнымъ правомъ, произволомъ помѣщика, не могло сложиться такихъ убѣжденій; то, что годилось, такъ сказать, для обихода, не есть юридическій обычай, обязательная правовая норма" [1]). Много разъ уже цитированный нами городской судья Тихвинскаго у. Бѣлякъ говоритъ по этому поводу: „Обычнымъ правомъ называется система правовыхъ нормъ, выработанныхъ народною жизнью, въ соотвѣтствіи

---

[1]) Тр. М К., Орловская губ., стр 112.

съ народнымъ правосознаніемъ и потребностями народнаго быта, пользующихся всеобщимъ признаніемъ. Но въ дѣйствительности, за немногими исключеніями, въ крестьянскомъ быту такихъ обычно-правовыхъ нормъ не имѣется. Дѣло въ томъ, что народно-правовые обычаи возникаютъ на раннихъ ступеняхъ развитія и притомъ въ средѣ свободныхъ гражданъ. Но и тогда уже является потребность въ записи и систематическомъ изложеніи этихъ нормъ и въ дополненіи ихъ законодательными нормами. Такъ возникли: древнѣйшій сборникъ права—„Русская Правда“, а потомъ въ XIV и XV вв.—Псковская и Новгородская Судебныя Грамоты. Но затѣмъ, особенно съ наступленіемъ Московскаго періода, народно-правовое творчество прекращается, его замѣняетъ указная дѣятельность государей. Не могло оно сохраниться и въ крестьянскомъ сословіи, которое попало въ рабство. Если при крѣпостномъ состояніи и установились какіе-либо обычаи, то ихъ нельзя признать въ настоящемъ смыслѣ правовыми нормами, такъ какъ послѣднія опредѣляютъ мѣру свободы, предоставленной отдѣльному человѣку, а какая же могла быть мѣра свободы крѣпостного раба, который самъ могъ быть, подобно вещи, объектомъ купли-продажи; правила эти, слѣдовательно, носили скорѣе хозяйственный, техническій характеръ, подобно правиламъ пользованія инвентаремъ“ [1])...

Но „если, говоритъ тотъ же судья, и существовали при крѣпостномъ правѣ правовыя обычныя нормы, то, какъ созданныя въ условіяхъ рабскаго состоянія, онѣ уже не могутъ соотвѣтствовать правосознанію и потребностямъ народной массы, вышедшей на волю и очутившейся въ совершенно иныхъ условіяхъ общественнаго, имущественнаго и семейнаго быта; особенно теперь, когда городъ все болѣе и болѣе беретъ гегемонію надъ деревней, и капитализмъ проникаетъ въ самые отдѣльные медвѣжьи углы. Старый укладъ крестьянской жизни разлагается, а теперешняя эпоха вовсе не благопріятствуетъ какому-либо народному органическому творчеству, въ томъ числѣ и обычно-правовому. Какъ исчезла и исчезаетъ народная пѣсня, одежда, танцы, такъ исчезли народно-правовые обычаи, а мѣсто ихъ заняли какіе-то сколки законовъ, циркуляровъ и инструкцій, въ толкованіи, преимущественно, волостныхъ писарей. Если гдѣ-либо на сѣверныхъ или восточныхъ окраинахъ, или въ особыхъ условіяхъ быта, какъ,

---

[1]) Тр. М. К., Новгородская губ. стр. 391.

напримѣръ, у бѣлозерскихъ рыбаковъ, и сохранились еще народно-правовые обычаи, то вѣдь тамъ, напримѣръ, въ Олонецкой губерніи, сохранились народныя былины, но какъ тѣ, такъ и другія составляютъ рѣдкія явленія и практическаго значенія для громаднаго большинства крестьянскаго населенія не имѣютъ“ [1]). По мнѣнію Епифанскаго у. комитета Тульской губ., „юридическіе обычаи, если только они и были въ нашей мѣстности, давно исчезли; ихъ замѣнило усмотрѣніе—начиная съ усмотрѣнія волостного суда и кончая губернскимъ присутствіемъ“ [2]). Тихвинскій землевладѣлецъ Новгородской губ. Богдановъ замѣчаетъ: „требованіемъ разрѣшать споры на основаніи обычаевъ ст. 135 возвращаетъ наше простонародье къ временамъ Гостомысла. Но и перешедшая отъ этихъ временъ пословица говоритъ: что ни городъ—то норовъ, что ни деревня—то обычай. Для настоящаго времени, можетъ быть, она была бы болѣе вѣрна, еслибы говорила: „что ни голова—то обычай“. При такомъ разнообразіи обычаевъ, какое руководящее значеніе они могутъ имѣть, и посему не слѣдуетъ-ли признать, что совсѣмъ нѣтъ обычаевъ, пригодныхъ для суда“ [3])?

Сами крестьяне свидѣтельствуютъ, что у нихъ твердыхъ юридическихъ обычаевъ нѣтъ. Въ трудахъ комитетовъ Новгородской губ. говорится: „Когда производилось обслѣдованіе волостныхъ судовъ, то крестьяне въ разныхъ мѣстахъ прямо заявляли слѣдующее: „обычаи не существуютъ, ихъ перезабыли“, „коренного обычая у насъ своего нѣтъ“, „никакихъ мѣстныхъ обычаевъ у насъ нѣтъ, и судьи такихъ обычаевъ у насъ не знаютъ“, „при рѣшеніи дѣлъ волостные судьи не руководствуются мѣстными крестьянскими обычаями, потому что у всякой бабы свой обычай“ [4]).

Отмѣченное цѣлымъ рядомъ комитетовъ крайнее разнообразіе и даже полное отсутствіе юридическихъ обычаевъ открываетъ, по отзыву Стерлитамакскаго у. комитета Уфимской губ., широкій просторъ для нарушенія безпристрастія и справедливости со стороны судей“ [5]). Пантелѣевъ въ Клинскомъ у. комитетѣ Московской губ. говоритъ по этому

---

[1]) Тр. М. К. Новгородская губ, стр. 391.
[2]) Тр. М. К, Тульская губ, стр 237
[3]) Тр М К, Новгородская губ., стр 439
[4]) Тр. М К., Новгородская губ., стр. 391.
[5]) Тр М. К, Уфимская губ, стр. 313.

поводу: „я очень часто присутствую въ качествѣ зрителя въ волостномъ судѣ и вынесъ полное убѣжденіе въ его несостоятельности. Глубоко заблужденіе, что у крестьянъ есть мѣстный обычай. Обыкновенно его создаютъ при помощи ведра вина“ [1]). Это сознаютъ сами крестьяне, которые всячески стараются избѣжать примѣненія къ нимъ обычнаго права, и, по словамъ тов. предс. Орловскаго окр. суда Кистенева, „всегда охотно прибѣгаютъ къ защитѣ X тома“ [2])

При отсутствіи обычаевъ ст. 135 Общаго Полож. о крест. указываетъ волостнымъ судамъ рѣшать дѣла „по совѣсти“. Но, по словамъ цитированнаго уже нами землевладѣльца Богданова, у всякаго человѣка своя совѣсть. Судъ по одной совѣсти, поэтому, въ самомъ лучшемъ случаѣ будетъ „благонамѣреннымъ произволомъ“, гораздо чаще онъ является „просто произволомъ“, т. е. отрицаніемъ суда [3]). Между тѣмъ во власть этого произвола отдана главная часть населенія. По словамъ одного гласнаго Херсонскаго земства, „одна десятая часть Россіи по гражданскимъ дѣламъ имѣетъ писанные законы, а вся остальная масса крестьянъ судится обычаями.. И вотъ спорные вопросы въ лучшемъ случаѣ разрѣшаются по справедливости, по-Божески, а часто болѣе сильные производятъ давленіе надъ слабыми... и въ сельскомъ быту въ гражданскихъ правоотношеніяхъ водворяется судебная неурядица“ [4]).

Рѣшеніе гражданскихъ дѣлъ по совѣсти безъ закона могло еще удовлетворять крестьянъ при несложности экономической жизни деревни, при патріархальномъ строѣ ея. Но все это исчезаетъ, жизнь деревни усложняется, выдвигается масса запутанныхъ юридическихъ отношеній. Потребность въ точныхъ гражданскихъ законахъ, которые нормировали бы эти отношенія, стала въ виду этого насущной и неотложной. „За 40 лѣтъ, говорится въ сводѣ мнѣній Епифанскаго у. комитета Тульской губ., жизнь ушла впередъ, народилась масса новыхъ потребностей и положеній, усложнились въ сильнѣйшей степени общественныя и частныя отношенія крестьянъ между собою и къ другимъ сословіямъ, совершенно измѣнилось не только экономическое положеніе населенія, но и направленіе экономической политики госу-

---

[1]) Тр. М К, Московская губ., стр. 408.
[2]) Тр. М. К, Орловская губ.. стр 112
[3]) Тр. М К., Новгородская губ, стр 438—439.
[4]) Тр М. К, Херсонская губ, стр. 311.

дарства. Между тѣмъ крестьянство осталось при тѣхъ же законоположеніяхъ 1861 года“ [1]).

Вслѣдствіе всего сказаннаго большинство комитетовъ, высказавшихся по вопросамъ крестьянскаго суда, признало необходимымъ уничтожить ссылку крестьянскаго суда на обычное право, этотъ „санкціонированный произволъ“ [2]), и распространить на крестьянъ общіе писанные гражданскіе законы. 93 комитета, въ томъ числѣ 15 губернскихъ, высказалось за это, признавъ неотложнымъ „устраненіе обособленности крестьянъ въ гражданскихъ правахъ“.

Распространеніе общаго гражданскаго права на крестьянъ, по мнѣнію комитетовъ, необходимо еще потому, что высшія инстанціи крестьянской юстиціи—уѣздный съѣздъ и губернское присутствіе—рѣшаютъ поступающія къ нимъ тяжбы не на основаніи обычая, а по закону. Отсюда полнѣйшее отсутствіе какой-либо опредѣленности. „И низшая, и высшая инстанціи, говоритъ гор. судья Новгородской губ. Бѣлякъ, обязаны примѣнять одни и тѣ же законы. Было бы безсмыслицей, еслибы, положимъ, низшій судъ примѣнялъ русскіе законы, а высшій, при перерѣшеніи того же дѣла, нѣмецкіе Между тѣмъ, въ отношеніи волостного суда по гражданскимъ дѣламъ допущено что-то весьма похожее на это... Волостной судъ рѣшаетъ дѣла по своему усмотрѣнію, безъ примѣненія какихъ либо законовъ матеріальнаго права, но рѣшенія волостного суда по искамъ на сумму болѣе 30 рублей недовольная сторона имѣетъ право обжаловать въ судебное присутствіе уѣзднаго съѣзда, которое для волостного суда является высшей инстанціей. Уѣздный же съѣздъ при разрѣшеніи этихъ дѣлъ обязанъ примѣнять законъ... Такимъ образомъ, одна инстанція при рѣшеніи дѣла не обязана примѣнять никакихъ матеріальныхъ законовъ, а другая, высшая, при перерѣшеніи того же дѣла, руководствуется закономъ... Получается явная „антиномія“ [3]). Все это вызываетъ путаницу, противорѣчивыя рѣшенія по одинаковымъ дѣламъ и, какъ слѣдствіе этого, недовѣріе населенія къ суду, упадокъ чувства законности и развитіе сутяжничества“. По словамъ Чунакова въ Самарскомъ у. комитетѣ, отъ этого „происходитъ страшная волокита: волостные суды, уѣздные съѣзды и губернскія присутствія завалены

---

[1]) Тр. М К, Тульская губ., стр. 237.
[2]) Тр. М. К, Минская губ., стр 227
[3]) Тр. М К. Новгородская губ, стр. 392—393

крестьянскими дѣлами по спорамъ о семейныхъ имуществахъ и о землѣ, а сами стороны продолжаютъ враждовать между собою, возбуждаютъ дѣла гражданскія, уголовныя и административныя, расходуются на свои тяжбы, безплодно ожидаютъ благопріятнаго разрѣшенія и, не получая такового, въ конецъ разоряются. Для устраненія такого положенія представляется необходимымъ: уравненіе крестьянъ съ другими сословіями въ области ихъ гражданскихъ и имущественныхъ отношеній, точное опредѣленіе правъ крестьянъ о собственности, пріобрѣтеніи, пользованіи, распоряженіи и отчужденіи имущества, а равно о наслѣдованіи и обязательствахъ“ [1]).

Но на ряду съ этимъ преобладающимъ мнѣніемъ то тамъ, то здѣсь пробиваются противоположные отзывы объ обычномъ гражданскомъ правѣ крестьянъ и стремленіе сохранить его. „Нельзя признать, говоритъ Орловскій губ. предв. двор. Стаховичъ, вѣрнымъ соображеніе объ отсутствіи обычнаго права. Приниженное и безправное положеніе народа не только не могло служить препятствіемъ къ образованію обычая, напротивъ, оно способствовало его составленію, оно было выраженіемъ народной совѣсти... Никто не можетъ опредѣлить возникновеніе и исчезновеніе его, но сомнѣваться въ существованіи обычая и обойтись безъ него нельзя... Противорѣчивыя показанія свидѣтелей ничего не доказываютъ. обычай долженъ жить въ судьѣ, какъ извѣстное сознаніе гражданина: если отклонить примѣненіе обычая, то онъ все-таки будетъ проявляться въ убѣжденіи судьи, въ его желаніи быть справедливымъ и тѣмъ удовлетворить понятной нравственной потребности“ [2]). Малоархангельскій у. предв. двор. Орловской губ. кн. Куракинъ говоритъ: „Обычай—юридическое воззрѣніе народа, неоднократно и однообразно проявившееся въ жизни; это—законъ, живущій въ сознаніи народа; наконецъ, какъ говоритъ Пухта въ его извѣстномъ сочиненіи „Обычное право“, обычай—юридическій языкъ народа. Вѣдь нельзя же запретить народу говорить на родномъ его языкѣ И отмѣна примѣненія обычая будетъ равносильна такому запрещенію. Всѣмъ извѣстно, что народъ на первыхъ ступеняхъ своего развитія руководствуется однимъ только обычаемъ; затѣмъ является писанный законъ, который начинаетъ постепенно вытѣснять обычай, или вѣрнѣе, не вытѣсняетъ, а замѣняетъ его... По мѣрѣ того, какъ

[1]) Тр. М К., Самарская губ., стр 515

[2]) Тр М К, Орловская губ., стр 113–114.

жизнь идетъ впередъ, народъ становится культурнѣе,—область закона расширяется, кругъ дѣйствія обычая съуживается; но никакъ законъ не вытѣсняетъ обычая: жизнь всегда будетъ итти впереди закона"... При „хорошемъ судьѣ, стоящемъ на высотѣ умственнаго и нравственнаго развитія"... „нѣтъ опасности въ примѣненіи обычая; напротивъ, онъ будетъ цѣннымъ коррективомъ закона и его слѣдуетъ сохранить, какъ неизмѣнный источникъ для законодателя. Я глубоко убѣжденъ, заканчиваетъ кн. Куракинъ, что отмѣна обычая обратитъ законъ въ мертвую букву, а судью, руководствующагося однимъ только закономъ въ автомата" [1]).

Однако, почти всѣ сторонники сохраненія обычнаго права согласны съ тѣмъ, что примѣненіе его на практикѣ крайне плохо: въ низшей инстанціи царитъ произволъ, а высшія совершенно не знаютъ обычныхъ нормъ. Для устраненія этого, по мнѣнію защитниковъ обычнаго права, необходимо произвести повсемѣстное изученіе его на основаніи рѣшеній волостныхъ судовъ и опроса сельскихъ сходовъ и результаты такого изслѣдованія народнаго права облечь въ форму писаннаго закона въ видѣ „Сельскаго Устава" для основныхъ общихъ положеній и особыхъ порайонныхъ сборниковъ для мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ. Сельскій Уставъ долженъ быть санкціонированъ законодательною властью, мѣстные же сборники могутъ утверждаться губернскими присутствіями или судебными палатами. Эти сборники должны подлежать періодическому дополненію и пересмотру, соотвѣтственно измѣненіямъ обычно-правового быта крестьянъ. За такую кодификацію обычнаго права высказалось 18 комитетовъ, въ томъ числѣ 4 губернскихъ.

Къ мнѣнію меньшинства всегда надо чутко прислушиваться, это предупреждаетъ одностороннія, слишкомъ огульныя рѣшенія. Но въ данномъ случаѣ, разбираясь въ указаніяхъ на важность обычнаго права, нельзя не замѣтить, что это право могло-бы служить богатымъ источникомъ для законодателя и должно было бы быть кодифицировано, еслибы, дѣйствительно, существовали какія-либо общепризнанныя „неоднократно и однообразно примѣняющіяся обычныя нормы", которыя притомъ желательно сохранять и нельзя ввести въ общіе гражданскіе законы. Этого же именно нѣтъ.

---

[1]) Тр М. К, Орловская губ, стр 117—118.

Изъ такихъ однообразныхъ нормъ въ средѣ комитетовъ указываютъ на твердо установившееся въ крестьянскомъ правосознаніи понятіе о коллективной собственности, субъектами которой является семья (дворъ) и община.

Но семейная собственность, игравшая прежде очень важную роль, особенно въ великороссійской деревнѣ, съ каждымъ годомъ все болѣе разлагается, стремясь превратиться въ индивидуальную. Ея существованіе, по мнѣнію многихъ членомъ комитетовъ, лишь искусственно поддерживается сенатской практикой, идущей въ этомъ случаѣ противъ духа положенія 19 февраля 1861 года. Послѣднее признало за крестьянами права личныя, имущественныя и семейныя, предоставленныя всѣмъ обывателямъ Имперіи. Вмѣсто этого сенатъ отвергъ индивидуальную надѣльную собственность, создавъ собственность семьи, какъ рабочаго союза. Во главѣ этого союза стоитъ домохозяинъ, но онъ не собственникъ, а лишь „распорядитель хозяйства и представитель семьи“. Семейная собственность, созданная сенатомъ, не представляетъ даже владѣнія на правѣ общей собственности, а какую-то совершенно особую конструкцію собственности [1]). Исходя изъ этого начала сенатъ призналъ: подворный участокъ не отвѣтственнымъ за личные долги домохозяина [2]) и не подлежащимъ завѣщанію [3]), сына, получившаго надѣлъ отца, не принявшимъ наслѣдство и потому за долги отца неотвѣтственнымъ [4]). Весь этотъ строй семейной собственности давно не соотвѣтствуетъ интересамъ крестьянъ. По словамъ сводазаключеній Поневѣжскаго у. комитета Ковенской губ. [5]):

а. Изъ этого возникаютъ вѣчныя недоразумѣнія между отдѣльными членами семьи, стремящимися къ личной собственности, вѣчные споры, доходящіе иногда до дракъ и убійствъ. Члены семьи сами раздѣляютъ надѣлы на мелкіе черезполосные куски, такъ какъ совмѣстно пользоваться семейною землею является невозможнымъ.

б. Неизвѣстно, кто является распорядителемъ въ хозяйствѣ. Право завѣщательнаго распоряженія отнято, а порядокъ наслѣдованія безъ завѣщанія не установленъ. Въ случаѣ смерти домохозяина

---

[1]) Рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1884 г. № 67 и 1893 г. № 91.
[2]) Рѣш. Прав Сен. 1882 г. № 147.
[3]) Рѣш. Общаго Собр. Сен. 1897 г № 27
[4]) Рѣш Общаго Собр. Сен. 1900 г № 27.
[5]) Тр. М. К, Ковенская губ., стр. 100—101.

могутъ явиться распорядителями и жена, и старшій сынъ, и братъ умершаго. Эта неопредѣленность дѣлаетъ крестьянина безразличнымъ къ улучшенію хозяйства, такъ какъ онъ не знаетъ, кому достанется результатъ его трудовъ.

в. Семейная собственность уничтожаетъ кредитоспособность крестьянина, такъ какъ земля принадлежитъ не ему, а двору, и въ случаѣ его смерти за его долги не отвѣчаетъ никто.

Такимъ образомъ, современная семейная собственность, во-первыхъ, не является обычной нормой, а искуственно создана сенатской практикой, а во-вторыхъ, она не только не отвѣчаетъ интересамъ крестьянской семьи, но разрушаетъ ее, родитъ въ ней рознь и тормозитъ развитіе крестьянскаго хозяйства. Указаніе на семейную собственность, поэтому, не подкрѣпляетъ стремленія сохранить обычное право, напротивъ, здѣсь именно желательно распространить на крестьянъ общій гражданскій законъ съ его индивидуальной собственностью.

Что касается общинной собственности, то, хотя цѣлый рядъ комитетовъ высказался за необходимость ликвидаціи ея и переходъ къ подворному индивидуальному владѣнію землей, какой-либо рѣзкій шагъ здѣсь отнюдь не желателенъ. Общинное землевладѣніе до сихъ крайне распространено и дѣйствительно представляетъ прочно сложившійся обычно-правовой институтъ. Его поэтому нельзя вычеркнуть изъ крестьянскаго права. Но онъ можетъ быть регламентированъ и введенъ въ общіе гражданскіе законы. Въ эти законы общинная собственность можетъ войти, какъ часть, но точно формулированная, съ яснымъ опредѣленіемъ правъ отдѣльныхъ общинниковъ, съ указаніемъ условій для вступленія и выхода членовъ изъ общины. Это устраняетъ ту массу неопредѣленности, отъ которой страдаетъ современная общинная собственность.

Наконецъ, сторонники сохраненія обычнаго права указываютъ на порядокъ наслѣдованія, который у крестьянъ опредѣляется обычаями и рѣзко отличается отъ обще-гражданскаго. Но противъ предоставленія этой важной области правоотношеній дѣйствію обычая категорически высказывается цѣлый рядъ членовъ въ средѣ комитетовъ. „Наслѣдованіе по обычаю мыслимо только при патріархальномъ строѣ жизни, изъ котораго крестьянство вышло“, говорится въ докладѣ юридической коммиссіи Гайсинскаго у. комитета Подольской

губ. [1]). 17 членовъ Вологодскаго у. комитета въ своей запискѣ говорятъ: „Обычное наслѣдственное право крестьянъ такъ разнообразно, неустойчиво и неуловимо, что распространеніе на сельское населеніе дѣйствующихъ въ законѣ гражданскомъ постановленій было бы весьма желательной мѣрой“ [2]). Крест. Дубенскаго у. Волынской губ. Давидюкъ объ обычномъ порядкѣ наслѣдованія говоритъ: „въ 38 ст. Общаго Полож. о крест. сказано руководствоваться мѣстными обычаями, но въ мѣстныхъ обычаяхъ порядокъ не установленъ, женщины благоволятъ болѣе дочерямъ; если помираетъ отецъ, а осталась мать, тогда и пошло въ разбродъ все, тутъ драки, споры и судьбище безконечное; она раздаетъ имущество дочерямъ, сыны дерутся, не даютъ и т. д. А если къ ней былъ пріймакъ, то она и признаетъ, что все должно принадлежать дочерямъ“ [3]).

Эти отзывы заставляютъ и въ области наслѣдственнаго права признать желательнымъ распространеніе на крестьянъ общихъ гражданскихъ законовъ. Если по этимъ законамъ крестьянамъ предоставлена будетъ общая свобода завѣщанія, тогда всѣ мѣстныя особенности и индивидуальныя желанія въ распоряженіи своимъ имуществомъ свободно выльются въ завѣщаніяхъ. Одинъ вопросъ здѣсь возникаетъ лишь. Это вопросъ о необходимомъ наслѣдованіи и объ ограниченіяхъ свободы завѣщанія, если таковыя установились гдѣ-либо подъ вліяніемъ обычая. Игнорированіе ихъ было-бы насиліемъ надъ юридическою совѣстью народа. Но такія обычныя нормы наслѣдственнаго права, по мнѣнію комитетовъ, опять таки прекрасно могутъ быть внесены въ видѣ оговорокъ въ общіе законы.

Подводя итогъ всему сказанному въ трудахъ комитетовъ о крестьянскомъ обычномъ правѣ, мы видимъ, что ими ясно сознана насущная потребность деревни въ распространеніи на нее общаго для всѣхъ гражданскаго права. По свидѣтельству комитетовъ, правосознаніе народа вполнѣ отвѣчаетъ началамъ этого права и давно уже подготовлено къ его воспріятію. Нѣкоторыя отличія—напримѣръ, общинная собственность, особыя формы наслѣдованія, можетъ быть, еще какія-либо другія—могутъ быть введены въ обще-гражданскіе законы въ видѣ спеціальныхъ оговорокъ. Если въ такомъ видѣ ни-

---

[1]) Тр. М. К., Подольская губ., стр 551.
[2]) Тр. М. К., Вологодская губ., стр 116
[3]) Тр. М. К., Волынская губ., стр 68

санное правв кое-гдѣ и разойдется съ мѣстными обычаями, то этотъ недостатокъ сторицею искупится устраненіемъ царящей нынѣ въ деревнѣ правовой неопредѣленности и произвола Да и о недостаткѣ здѣсь трудно говорить. Начала общаго гражданскаго права являются продуктомъ многовѣковой культурной работы всего человѣчества и представляютъ собою наиболѣе справедливые способы разграниченія честно-правовыхъ интересовъ. Поднятіе крестьянскаго населенія до этихъ началъ будетъ выполненіемъ крупнѣйшей задачи правовой политики и юридическаго воспитанія народа. Только обезпечивъ народъ твердымъ и незыблемымъ гражданскимъ закономъ, можно надѣяться на спокойную и плодотворную хозяйственную дѣятельность его.

Уравненіе крестьянъ съ другими сословіями комитеты признаютъ необходимымъ не только въ области гражданскаго права, но и въ уголовномъ правѣ. Здѣсь вниманіе комитетовъ привлекаетъ особая преступность и особая наказуемость крестьянъ. Въ области преступности „поразительною представляется, по мнѣнію 19 членовъ Московскаго губ. комитета, вторая часть 38 ст. Временныхъ правилъ о волостномъ судѣ, которою наравнѣ съ кражею и присвоеніемъ чужого имущества наказывается мотовство и пьянство, разстраивающія хозяйство, и нарушеніе условій найма, т. е. такіе проступки, которые для лицъ всѣхъ другихъ сословій не представляютъ вовсе дѣянія, запрещеннаго подъ страхомъ наказанія, и входятъ въ область или гражданскихъ правонарушеній, или даже просто нравственнаго поведенія и не могутъ ни въ какомъ случаѣ влечь за собою преданіе уголовному суду“ [1]). Въ области наказуемости комитеты указываютъ на несоотвѣтствіе наказанія за одинъ и тотъ же проступокъ, налагаемаго волостнымъ судомъ и общимъ. Напримѣръ, кража волостнымъ судомъ наказывается арестомъ отъ 7 до 30 дней, а общимъ по Уставу о наказ.—тюрьмой отъ 3 мѣсяцевъ до 1 года. Положеніе это члены комитетовъ приводятъ въ связь съ обязательной подсудностью волостному суду тѣхъ дѣлъ, гдѣ обвиняемый и потерпѣвшій крестьяне и факультативной, въ зависимости отъ воли потерпѣвшаго, гдѣ кража совершена у лица другого сословія. Благодаря этому получается, что довольно крупная кража, на сумму до 50 рублей, у крестьянина будетъ наказана арестомъ, а самая незначительная кража у землевладѣльца, духовнаго лица и пр., для того же лица повлечетъ тюрьму.

[1]) Тр М К., Московская губ, стр. 23

Городской судья Костромской губ. Бошнякъ пишетъ по этому поводу: „крестьянину, чуждому юридическихъ точностей, должно показаться крайне страннымъ, почему онъ, если тайно выкопаетъ рѣпу изъ огорода своего сосѣда—пономаря, долженъ просидѣть полтора мѣсяца въ тюрьмѣ, тогда какъ за похищеніе у своего же брата—крестьянина, совершенное на 50 рублей., составляющихъ часто предметъ долговременныхъ сбереженій, онъ отдѣлывается сравнительно легкимъ арестомъ, и почему его собственность строже охраняется въ городѣ, гдѣ легче обезопасить ее отъ чужихъ посягательствъ, чѣмъ въ деревнѣ“ [1]). Предоставленіе же потерпѣвшему, если онъ лицо привилегированнаго сословія, по своему усмотрѣнію подавать жалобу на крестьянина въ волостной или общій судъ, и сообразно этому налагать на него арестъ или тюрьму, отдаетъ въ руки потерпѣвшаго право карать и миловать виновнаго. При такихъ условіяхъ у крестьянина естественно укореняется взглядъ, что наказаніе для него опредѣляется не закономъ, а произволомъ: „глядя по человѣку“. Такое положеніе дѣла не можетъ быть признано, по мнѣнію тѣхъ же 19 членовъ Московскаго комитета, отвѣчающимъ понятію „суда праваго и равнаго для всѣхъ“ [2]).

14 комитетовъ остановилось на этихъ ненормальностяхъ и вотировало за устраненіе ихъ.

Не обошли комитеты молчаніемъ и позорнаго пятна русскаго законодательства о крестьянахъ—тѣлеснаго наказанія по приговору волостного суда. Цѣлый рядъ лицъ въ средѣ ихъ настойчиво отмѣчаетъ несоотвѣтствіе этого наказанія цѣлямъ исправительнымъ, а особенно нравственному и культурному уровню современнаго крестьянства. „Обидно сознавать крестьянину, говорится въ докладѣ крест. Козакова въ Дмитріевскомъ у. комитетѣ Курской губ.,—а это сознаетъ теперь всякій заурядный крестьянинъ—,что гражданину изъ всякаго другого сословія нужно совершить выдающееся злодѣяніе, быть лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія и затѣмъ еще вновь выказать нежеланіе подчиниться закону или обязательному для него требованію, чтобы быть подвергнутымъ наказанію розгами. Крестьянину же стоитъ лишь обнаружить недостаточное почтеніе маленькой власти и поссо-

---

[2]) Тр. М. К, Костромская губ, стр 474.

[3]) Тр. М К., Московская губ., стр. 23.

риться съ деревнскимъ кулакомъ, чтобы подвергнуться этому позорнѣйшему наказанію“ [1]). „Полноправіе заслужено нашимъ крестьянскимъ населеніемъ, читаемъ въ трудахъ Вятской губ., не меньше, чѣмъ другими сословіями, такъ какъ оно, наравнѣ съ послѣдними, если не въ большей степени, вынесло на себѣ тяжесть тысячелѣтняго государственнаго домостроительства“ [2]). Много говорятъ члены комитетовъ и о растлѣвающемъ вліяніи тѣлеснаго наказанія на нравственную сторону народа. Наказанный, по ихъ мнѣнію, становится „или до низости безразличнымъ, или же озлобленнымъ и ожесточеннымъ“ [3]).

Въ доказательство того, что тѣлесное наказаніе отжило свой вѣкъ, комитеты указываютъ на сокращеніе случаевъ его примѣненія и широкую замѣну его арестомъ со стороны земскихъ начальниковъ. Вотъ цифры для Елецкаго уѣзда Орловской губ. по свѣдѣніямъ юридической коммиссіи у. комитета [4]):

Годы	Всего осуждено	Наказано розгами	%%
1893	1062	119	11,2
1894	1418	105	7,4
1896	1155	44	3,0
1897	1587	31	1,9
1898	1548	31	2,0
1899	1301	16	1,2
1900	1344	30	2,2
1901	1802	27	1,4

Но далеко не вездѣ число случаевъ наказанія розгами такъ быстро сокращалось и было такъ незначительно. По даннымъ Савостьянова, въ Гайсинскомъ уѣздѣ Подольской губерніи за послѣднее пятилѣтіе было постановлено 600 приговоровъ о тѣлесномъ наказаніи и приведено въ исполненіе 473, т. е. ежегодно приговариваютъ къ розгамъ 120 и сѣкутъ 95 человѣкъ. „Если всѣ 12 уѣздовъ нашей губерніи, говоритъ этотъ членъ Гайсинскаго у. комитета, отличались

[1]) Тр М. К, Курская губ., стр 161
[2]) Тр. М К, Вятская губ., стр. 615.
[3]) Тр. М К, Подольская губ, стр 600.
[4]) Тр. М К, Орловская губ, стр 496

одинаковой склонностью къ тѣлесному наказанію, то число ежегодно высѣченныхъ достигаетъ 1140 человѣкъ, или по 3 слишкомъ тѣлесныхъ наказанія на губернію ежедневно“ [1]). При этомъ „подавляющее большинство приговоровъ—90% ихъ—постановлялось за нарушеніе общественной тишины и спокойствія, т. е. по проступкамъ въ высшей степени неопредѣленнымъ и растяжимымъ“.

Сколько же розогъ гуляло ежедневно во всей Россіи, и сколько при этомъ было произвола и незаслуженнаго оскорбленія человѣческаго достоинства!

Только манифестъ 11 августа 1904 года положилъ конецъ этому прискорбному явленію нашей общественной жизни. Комитетамъ, изъ которыхъ 47 горячо ходатайствовали объ отмѣнѣ этого остатка крѣпостного права, пробравшагося въ XX вѣкъ, принадлежитъ роль послѣднихъ 47 капель, продолбившихъ камень.

---

[1]) Тр. М К., Подольская губ., стр 600

VI.

Заключеніе.

Передъ нами прошли отзывы мѣстныхъ комитетовъ о всѣхъ сторонахъ правовой жизни крестьянъ. Какъ видно изъ этихъ отзывовъ, ни нѣкоторые недостатки въ личномъ составѣ комитетовъ, ни узость поставленной программы не помѣшали имъ отмѣтить крайнюю неудовлетворительность современнаго состоянія этой жизни.

Законодательная работа освободительной эпохи по устроенію правового быта крестьянъ не была закончена въ 60-хъ годахъ, а послѣдующіе годы еще болѣе удалили насъ отъ этого. Между тѣмъ жизнь не стояла и съ каждымъ годомъ все сильнѣе подчеркивала пороки неурядицы деревни и тѣ гибельныя послѣдствія, которыя вытекали изъ нихъ. Отсюда выросла потребность реформы. И комитеты устами мѣстныхъ людей громко говорятъ о неотложной настоятельности такой реформы.

Реформа эта, по ихъ признанію, не можетъ состоять изъ отдѣльныхъ частныхъ поправокъ современнаго порядка. Нѣтъ, она должна охватить собою всѣ стороны послѣдняго и кореннымъ образомъ перестроить его на совершенно иныхъ началахъ. Такимъ началомъ должна раньше всего явиться свобода личности крестьянина, независимость его въ управленіи своими домашними и общественными дѣлами. Отсюда необходимость облегченія административной опеки и расширенія мѣстнаго самоуправленія. Это должно быть поставлено во главѣ угла реформы. Другимъ основнымъ началомъ, по мнѣнію комитетовъ, должно быть устраненіе сословной обособленности крестьянъ и уравненіе ихъ въ правахъ со всѣми другими слоями русскаго населенія. Отсюда требованіе введенія всесословности въ сельское управ-

леніе, дарованіе крестьянамъ „праваго и равнаго для всѣхъ“ суда, распространеніе на нихъ общаго гражданскаго и уголовнаго закона Имперіи.

Правда, „на этомъ сошлись мнѣнія не всѣхъ мѣстныхъ людей. Но иначе и быть не могло. Какъ ожидать, чтобы 11 тысячъ человѣкъ, опрошенныхъ при посредствѣ 49-ти губернскихъ и 482 уѣздныхъ комитетовъ на всемъ пространствѣ громадной страны, были совершенно согласны во взглядахъ? Среди мѣстныхъ комитетовъ должны были быть и оказались на дѣлѣ представители самыхъ различныхъ, нерѣдко непримиримыхъ, воззрѣній“ [1]). Но указанныя начала провозглашены были подавляющимъ большинствомъ лицъ, участвовавшихъ въ работахъ комитетовъ.

Намѣчая приведенныя выше начала желательной реформы, эти лица обнаружили много жизненнаго опыта, ума и знанія. Но сквозь все это въ ихъ отзывахъ рвется живое чувство любви къ сѣрой крестьянской массѣ. Въ этомъ залогъ правоты и жизненности провозглашенныхъ началъ. Разумъ, согрѣтый тѣмъ же чувствомъ, руководилъ творцами великихъ реформъ Императора Александра II, онъ разбилъ крѣпостныя оковы, создалъ гласный судъ, онъ же продиктовалъ начала личной свободы, законности и равноправія, высказанныя въ средѣ мѣстныхъ комитетовъ.

А то, что эти начала высказаны не отдѣльнымъ лицомъ, а цѣлымъ хоромъ изъ огромнаго числа голосовъ, показываетъ, что они раздѣляются большею частью русскаго общества, выражаютъ его стремленія и пожеланія. Это придаетъ провозглашенію ихъ огромное практическое значеніе и рождаетъ увѣренность, что на этотъ разъ сказанное съ такимъ единодушіемъ мѣстными людьми въ самыхъ различныхъ частяхъ страны не будетъ только „принято къ свѣдѣнію“ и погребено, а претворится въ дѣйствительныя правительственныя мѣропріятія.

Этой увѣренности не хочется терять и отъ того, что недавно выработанный особой Коммиссіей по пересмотру законоположеній о крестьянахъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ проэктъ этихъ законоположеній положилъ въ основаніе иныя руководящія идеи, далеко отличныя отъ того, къ чему стремятся мѣстные комитеты. На-

---

[1]) „Очерки по крестьянскому вопросу“ Сборникъ статей подъ ред А. Мануилова Вып. I. Москва 1904, стр 215

дѣемся, что этотъ проэктъ, пройдя черезъ работающія теперь надъ нимъ губернскія совѣщанія, выйдетъ совершенно другимъ, болѣе соотвѣтствующимъ тому, о чемъ хлопочетъ русское общество.

Это необходимо для дальнѣйшаго спокойнаго развитія русской общественной жизни. „Наше отечество уже дошло въ срединѣ прошлаго вѣка до тяжелаго положенія, благодаря крѣпостному праву, которое вызывало осужденіе и нравственное угнетеніе всѣхъ лучшихъ людей и въ то же время поднимало опасныя волны недовольства въ массахъ. Реформа 19 февраля 1861 года параллельно съ другими реформами Императора Александра II, устранила этотъ кризисъ. Въ настоящее время является настоятельная потребность закончить дѣло сельскаго устроенія и предотвратить второй кризисъ, подготовленный обособленіемъ крестьянства и крайне плохимъ сословнымъ крестьянскимъ управленіемъ и судомъ“ [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ и Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, съ тремя министрами и предсѣдателемъ комитета министровъ во главѣ, не оставитъ, навѣрное, безъ вниманія конечные выводы созданныхъ имъ комитетовъ и, какъ выразился въ Козловскомъ у. комитетѣ Тамбовской губ. Плевако, „раздѣлитъ тотъ взглядъ, что для подъема благосостоянія и удаленія нуждъ сельское хозяйство нуждается не только въ удобрительныхъ средствахъ, правильномъ сѣвооборотѣ и торныхъ дорогахъ для нашихъ продуктовъ, но еще больше въ нравственномъ удобреніи работниковъ и дѣятелей, въ твердости правъ, въ широкихъ путяхъ для истиннаго просвѣщенія, словомъ во всемъ томъ, въ чемъ выражается осуществленіе одного изъ прошеній молитвы Господней, которую милліоны устъ ежедневно повторяютъ на Руси: да пріидетъ царствіе Твое“ [2]).

[1]) Записка подкомиссіи Кіевскаго Губернскаго Совѣщанія о проэктѣ положенія о крестьянскомъ общественномъ управленіи, стр. 9.

[2]) Тр. М К, Тамбовская губ., стр. 257.

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ